

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ

ДЖОН КАРТЕР —
МАРСИАНИН

В избранных переводах А. Иванова

Шедевры фантастики (Феникс)

Эдгар Райс Берроуз

Джон Картер – марсианин

«Феникс»

1912, 1918, 1919

УДК 821.111(73)821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-31

Берроуз Э.

Джон Картер – марсианин / Э. Берроуз — «Феникс», 1912, 1918, 1919 — (Шедевры фантастики (Феникс))

ISBN 978-5-222-40706-6

Откройте для себя уникальный мир умирающего Марса и фантастические приключения главного героя – Джона Картера. Первый роман «Принцесса Марса» стал признанной классикой мировой фантастики, началом большого цикла романов, послужил источником вдохновения для множества фантастов – от Джона Нормана до Алексея Толстого. Невероятные миры, удивительные существа, эпические сражения, яркие герои – всё это отличительные черты произведений Берроуза, не так давно воссозданных в голливудском блокбастере «Джон Картер».

УДК 821.111(73)821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)-31

ISBN 978-5-222-40706-6

© Берроуз Э., 1912, 1918, 1919

© Феникс, 1912, 1918, 1919

Содержание

Принцесса Марса	6
Предисловие	7
1. В горах Аризоны	9
2. Избавление от смерти	12
3. Мое вступление на Марс	14
4. Пленник	17
5. Я ускользаю	20
6. Битва, одарившая меня друзьями	22
7. Дети марсиан	24
8. Небесная пленница	27
9. Я изучаю язык	30
10. Победитель и вождь	32
11. Дея Торис	36
12. Пленник, облеченный властью	39
13. Ухаживание на Марсе	41
14. Борьба насмерть	44
15. Сола рассказывает мне	48
16. Мы надеемся бежать	52
17. Счастливое освобождение	56
18. В плену у урухунцев	60
19. Сражение на арене	62
20. На атмосферной фабрике	64
21. Воздушный разведчик	68
22. Я нахожу Дею	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

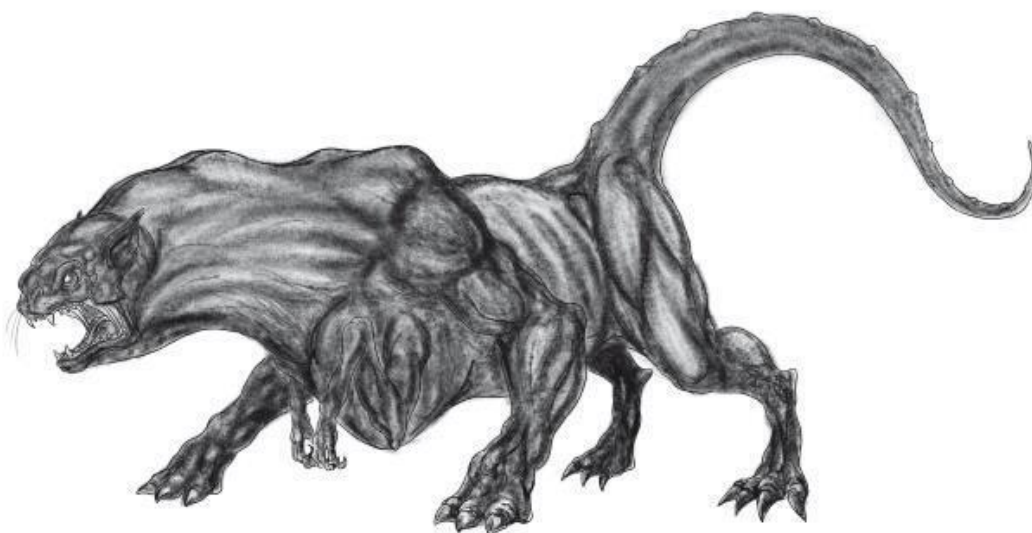
Эдгар Райс Берроуз Джон Картер – марсианин

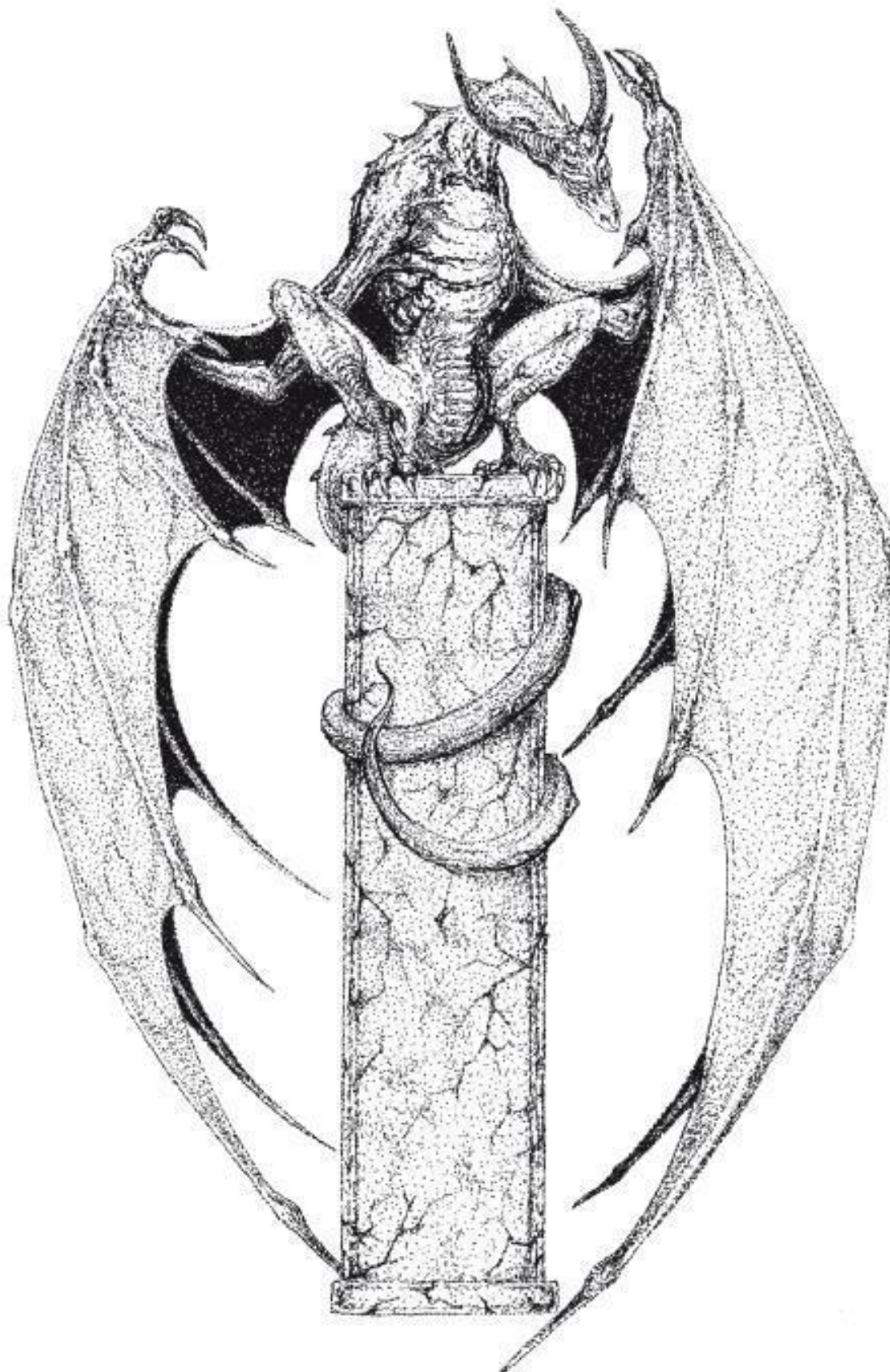
© Оформление: ООО «Феникс», 2021

© Перевод: А. Иванов

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Принцесса Марса

Предисловие

Представляя вам необычную рукопись капитана Картера, я позволю себе сказать несколько слов, посвященных этой замечательной личности.

Мое первое воспоминание о капитане Картере относится к тем немногим месяцам, что он провел в доме моего отца в Виргинии перед началом Гражданской войны. Я был тогда пятилетним ребенком, но хорошо помню высокого, смуглого, гладко выбритого человека атлетического сложения, которого я звал дядей Джоном.

Он был скор на улыбку. С детьми играл с тем же добродушным весельем, с каким принимал участие в развлечениях общества взрослых. Даже с моей бабушкой он мог сидеть часами, занимая ее рассказами о своих необыкновенных похождениях во всех частях света.

Мы любили его, а наши слуги просто боготворили.

Он был истинным воплощением мужской красоты: ростом шесть футов и два дюйма, широкоплечий и узкобедрый, с осанкой тренированного спортсмена. Резкие черты лица отличались чрезвычайной правильностью. В полных огня и решимости стальных глазах этого брюнета отражался его сильный и прямой характер.

Манеры капитана Картера были безукоризненны, в них сквозило изящество, типичное для породистых джентльменов с Юга.

Его умение ездить верхом было настоящим чудом и вызывало восторг даже в этой стране великолепных наездников. Я часто слышал, как мой отец призывал его к осторожности, но дядя Джон в ответ только смеялся, говоря, что не родился еще тот конь, с которого он упадет и разобьется.

Началась война, и дядя Джон покинул нас, я не видел его больше пятнадцати лет. Вернулся он неожиданно, почти не изменился внешне. В обществе герой моего детства оставался таким же веселым, жизнерадостным товарищем, каким мы его знали раньше. Но я не раз тайком наблюдал, как, оставшись один, капитан Картер часами сидел, устремив взгляд в пространство, а лицо его выражало тоску и безграничное горе. Порой он просиживал ночи напролет, глядя в бездонное небо. Только много позже я узнал причину такого поведения.

Как-то раз он коротко рассказал нам, что после войны занимался разведкой и разработкой каких-то месторождений в Аризоне, это принесло большое состояние. Но о подробностях этого периода своей жизни он говорил крайне неохотно.

После возвращения Картер прожил с нами приблизительно год, а потом отправился в Нью-Йорк, где приобрел небольшой клочок земли на Гудзоне. Там я и навещал его раз в год во время моих посещений нью-йоркского рынка (у нас с отцом в то время было несколько небольших магазинчиков в Виргинии). Он жил в небольшом, но красивом коттедже на берегу реки. Однажды я обратил внимание, что дядя Джон с увлечением что-то пишет; как я теперь понимаю, он был занят этой самой рукописью.

Тогда же он сказал мне, что, если с ним произойдет какое-нибудь несчастье, именно я должен буду распорядиться его имуществом. И дядя Джон дал мне ключ от несгораемого шкафа в его кабинете. Там я должен был найти завещание и ряд указаний, следовать которым надлежало с абсолютной точностью.

В тот день, отправляясь спать, я видел из своего окна, как дядя Джон стоит на высоком берегу, простирая руки к небу. Лунный свет обволакивал его. Мне показалось, что он молится, хотя я никогда не считал его религиозным.

Несколько месяцев спустя, 1 марта 1886 года, я получил от него телеграмму с просьбой немедленно приехать. Он хорошо относился ко всем членам нашей семьи, но именно я всегда был его любимцем; поэтому немудрено, что я поспешил исполнить просьбу.

Утром 4 марта я уже прибыл на маленькую станцию, находящуюся недалеко от его поместья. Там я и узнал, что капитана Картера больше нет.

Он скончался утром. Надо сказать, что эта весть не очень поразила меня: я предчувствовал его смерть, но поспешил в поместье, чтобы позаботиться о похоронах.

В его маленьком кабинете я увидел сторожа, полицию и еще нескольких незнакомых мне человек. Сторож подробно рассказывал, как он нашел тело, которое еще не успело остыть, на краю берега. Капитан лежал на снегу, руки его были вытянуты над головой. Когда сторож показал, где именно это было, я понял, что это то самое место, где я видел дядю Джона ночью с простертыми к небу в мольбе руками.

На теле не было следов насилия, и с помощью местного врача следователь быстро установил, что смерть последовала от разрыва сердца. Оставшись наконец один, я открыл несгораемый шкаф и извлек завещание. Дядины указания по поводу похорон были несколько странными, но я постарался выполнить их во всех подробностях.

Капитан Картер просил, чтобы я перевез, не бальзамируя, его тело в Виргинию и положил в открытом гробу в склеп, который он сам выстроил. Склеп был снабжен хорошей вентиляцией, массивная дверь запиралась огромным позолоченным пружинным замком, открывавшимся только изнутри.

Согласно его распоряжению, я должен был сам проследить, чтобы все было сделано точно и сохранено в тайне.

По завещанию в течение двадцати лет весь доход с поместья причитался мне, а по истечении этого срока оно целиком переходило в мое пользование.

Дальнейшие указания касались этой рукописи, которую я не должен был распечатывать и читать одиннадцать лет. Огласить же ее содержание я мог только через двадцать один год.

Ныне я с полным правом делаю это.

Искренне преданный вам

Эдгар Берроуз.

1. В горах Аризоны

Мне очень много лет; сколько – я сам не знаю. Может быть, сто, может, и больше. Точно сказать не могу, так как я никогда не был старым, как другие люди, а детство не удержалось в моей памяти. Сколько себя помню, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Я выгляжу сейчас так же, как и сорок лет назад. Но все же я чувствую, что вечно жить не буду, что в один «прекрасный» день умру настоящей смертью, после которой нет воскрешения. Я боюсь смерти, хотя умирал дважды, а все еще жив. И все-таки я ощущаю перед ней такой же ужас, как и вы. Думаю, именно этот страх убеждает меня в неизбежности смерти.

Понимая ее неотвратимость, я решил написать о самых интересных моментах своей жизни.

Я не могу объяснить те сверхъестественные происшествия, о которых расскажу. Но я честно изложу хронику случившегося за те десять лет, когда мое мертвое тело лежало в одной из пещер Аризоны.

Я никогда еще не рассказывал этой истории, и никто не узнает ее до моей смерти. Средний человеческий ум не верит тому, чего не в состоянии постигнуть, поэтому я не буду поражен, если меня осмеют и назовут лжецом. А между тем я сообщу здесь весьма простые истины, которые когда-нибудь будут объяснены наукой. Может быть, сведения, добытые мною на Марсе, помогут человечеству узнать тайну этой планеты.

Мое имя – Джон Картер, но более я известен как капитан Картер из Виргинии. Я воевал за Конфедерацию и, когда война закончилась, оказался обладателем нескольких сот тысяч конфедеративных долларов – то есть был разорен. Я имел чин капитана кавалерийского эскадрона, но армии уже не существовало. И все же я был готов к борьбе и решил отправиться в Аризону на поиски золота.

Там я провел около года в обществе другого конфедеративного офицера, капитана Джемса К. Поуэля из Ричмонда. Нам чрезвычайно повезло: в конце зимы 1865 года, после целого ряда неудач, мы обнаружили богатейшую золотonosную жилу. Мы даже мечтать о таком не могли! Поуэль, горный инженер по образованию, установил, что за три месяца мы нашли золота на сумму свыше миллиона долларов.

Так как наша экипировка была крайне примитивна, мы решили, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы закупить необходимые машины и нанять людей для разработки жилы.

Поуэль хорошо знал местность и был лучше меня осведомлен в вопросах горного дела, поэтому мы решили, что ехать должен он. Я же должен был оставаться на страже нашей жилы и оберегать ее от захвата каким-нибудь странствующим искателем.

3 марта 1866 года мы навьючили двух осликов багажом Поуэля и распрощались. Он сел на лошадь и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Это утро было ясное, как обычно в Аризоне. Я следил за тем, как он удалялся, то отступая немного назад и вверх, то появляясь на ровном плоскогорье. В последний раз я видел Поуэля около трех часов пополудни, когда он вступил в тень горной цепи и скрылся в ней.

Спустя полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и увидел три неясные фигурки, следовавшие в том же направлении, что и Поуэль. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше старался убедить себя, что это лишь мустанги и с другом все благополучно, тем меньше мне это удавалось.

Мы еще не встречали здесь ни одного враждебного индейца, поэтому наша беззаботность достигла крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное об этих разбойниках, якобы шнырявших по горным тропам в поисках добычи. По рассказам, они подвергали жесточайшим мучениям всякого белого, попавшего в их руки.

Я знал, что Поуэль опытный офицер и прекрасно вооружен, но на Севере мне неоднократно приходилось сталкиваться с индейцами, и было ясно, что шансы его против хитрых апачей весьма слабы. В конце концов я не мог более оставаться в неизвестности, вскочил на верховую лошадь и направился по следам Поуэля, вооружившись двумя кольтами и карабином.

Выехав на относительно ровную дорогу, я пустил лошадь галопом и так скакал до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я заметил следы, присоединившиеся к следам Поуэля. Это мчались во весь опор три неподкованных жеребца.

Я спешно продолжал свой путь, но наступила полная темнота, и пришлось дожидаться восхода луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, я сам, подобно нервной женщине, придумал несуществующие опасности, над которыми мы с Поуэлем только посмеемся, когда я его нагоню. Однако чувство долга, к чему бы оно ни вело, было для меня главным на протяжении всей жизни. Возможно, именно это принесло мне столько почестей и орденов во время войны и удостоило меня дружбы стольких незаурядных личностей.

Около девяти часов луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжать свой путь. Я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами пуская коня легкой рысью, и около полуночи добрался до водоема, у которого Поуэль предполагал сделать привал. Здесь было пустынно. Следы преследующих всадников шли по следам Поуэля с одинаковой скоростью. Теперь я знал совершенно определенно: преследователи были апачи и они намеревались захватить Поуэля живым, чтобы насладиться его мучениями. Я пустил коня галопом в надежде догнать краснокожих раньше, чем они настигнут моего друга.

Где-то далеко впереди раздались выстрелы. Я понял, что сейчас Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и бешеным карьером понесся вверх по узкой горной тропе.

Я проскакал целую милю, не слыша ни единого звука. Внезапно тропинка вышла через ущелье на небольшое открытое плоскогорье, и открывшееся мне зрелище было таким ужасным, что я остановился как вкопанный.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. Посредине лагеря с полтысячи краснокожих сгрудились вокруг какого-то предмета. Их внимание было приковано к нему настолько, что они не заметили моего приближения и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья, ускользнув от них. Однако эта мысль возникла у меня лишь на другой день, да я никогда и не последовал бы ей. Вообще, не могу припомнить ни одного случая, когда бы сознательно принимал решение в опасной ситуации. Я интуитивно следую велению чувства долга, не прибегая к утомительным мозговым процессам, и никогда еще не жалел об этом.

Я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был именно Поуэль. Не раздумывая, выхватил из-за пояса свой револьвер и стал посылать выстрел за выстрелом в самую гущу толпы, одновременно издавая дикие крики. И вряд ли я мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью краснокожие бросились врассыпную в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии.

Зрелище, представившееся моим глазам, заставило похолодеть кровь в жилах. Под яркими лучами аризонской луны лежал Поуэль, просто усеянный густой щетиной стрел. В том, что он уже мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, но я решил спасти его от поругания. Подъехав вплотную, я нагнулся и, ухватившись за патронный пояс, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели путь вперед. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятия, сопровождаемые стрелами и карабинными пулями. При лунном свете попасть в цель может, пожалуй, только проклятие, к тому же индейцы были крайне взволнованны, а бег моего коня

быстр – все это спасло меня от метательных снарядов врага. Я смог добраться до прикрытия гор прежде, чем дикари успели организовать настоящую погоню.

Конь мой продвигался вперед без поводьев, так как я знал, что он найдет верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и тем самым спастись от погони. Но именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными происшествиями, которые приключились со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я оторвался от погони, мелькнула у меня, когда вопли преследователей начали доноситься слева и притом стали менее внятными. Я понял, что они направились по левую сторону скалистых гор, окаймляющих равнину, в то время как мой конь вынес меня и тело Поуэля по правую ее сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку внизу, и увидел, как кучка преследовавших меня дикарей исчезла за вершиной соседней горы. Но было ясно, что индейцы скоро обнаружат свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена по верному направлению.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утес. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела наверх. Справа возвышалась скала высотой в несколько сот футов, слева был крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага. Вскоре резкий поворот вправо вывел меня ко входу в большую пещеру. Отверстие было четыре фута в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и все было озарено ярким солнечным светом. Сойдя с лошади, я положил тело Поуэля на землю. Я все не мог смириться со смертью друга и вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо водой, тер руки – словом, провозился с ним около часа, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень любил Поуэля. Он был настоящим мужчиной и хорошим, верным товарищем. С чувством глубокой скорби я прекратил свои тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Поуэля, я вполз внутрь пещеры на разведку. Она была примерно сто футов в диаметре и тридцать или сорок футов в высоту. Ровный, хорошо утопанный пол и многие другие признаки говорили, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задняя стена ее скрывалась в густой темноте, так что я не мог разобрать, имеются ли там еще ходы.

Постепенно я начал ощущать приятную сонливость, которую счел результатом своей усталости от длительной верховой езды, опасностей борьбы и погони.

Теперь я чувствовал себя относительно безопасно, ведь один человек мог спокойно защищать тропинку, ведущую в пещеру, от целой армии.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом боролся с желанием броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как означало бы верную смерть от рук моих краснокожих «друзей», которые могли нагрянуть каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение буквально отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

2. Избавление от смерти

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы ослабели, и я был уже готов заснуть, как вдруг услышал приближающийся конский топот. Я хотел вскочить на ноги, но с ужасом ощутил, что мышцы отказываются повиноваться. Я не мог пошевелить ни одним членом, словно превратился в камень. И теперь впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то полупрозрачный туман, он виден лишь у самого выхода, где озарен дневным светом. Ядовитый газ! Странно только, почему я сохранил мыслительные способности, потеряв способность двигаться.

Я лежал лицом к выходу, откуда мне была видна узкая полоска тропы между пещерой и поворотом утеса. Звук приближающегося лошадиного топота прекратился, и я понял, что индейцы уже спешились и теперь осторожно подкрадываются ко мне. Положение было безнадежным, оставалось только надеяться на скорую смерть, так как фантазия дикарей, изобретающих пытки, безгранична.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалось ярко раскрашенное лицо воина, и дикие глаза впились в меня. Я был уверен, что прекрасно виден в полумраке пещеры, так как лучи утреннего солнца падали через вход прямо на меня.

Однако краснокожий стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась еще одна дикая физиономия, потом третья, четвертая и пятая, и каждая являла собой воплощение страха, но причина их испуга была мне непонятна. Столпившиеся у пещеры шепотом что-то с ужасом передавали остальным.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха индейцев, они повернулись и бросились бежать. Паника охватила их до такой степени, что одного из них в спешке столкнули с утеса вниз головой на острые камни. Некоторое время в воздухе еще раздавались их крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно, чтобы я мог думать только о неизвестном, скрывавшемся во мраке. Страх – относительное понятие. То, что я испытывал тогда, не идет ни в какое сравнение с ощущениями, например, во время смертельной опасности на войне. На войне жизнь моя была в моих руках, теперь же я оказался парализован, спиной к неизвестной опасности, один звук которой обратил в бегство бесстрашных апачей. Я много испытал в жизни страшного, теперь испытывал настоящий ужас.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабый шорох, как будто кто-то осторожно двигается. Но ничего не происходило, и мне оставалось лишь ждать и надеяться, что мой паралич исчезнет так же внезапно, как возник.

К концу дня конь, стоявший до сих пор не привязанным у входа в пещеру, повернулся и медленно отправился вниз по тропинке в поисках пищи и воды. И вот я остался один на один с таинственным существом позади себя. С этой минуты и до полуночи вокруг меня царил тишина – тишина смерти. В полночь из густого мрака пещеры опять раздался ужасный стон и послышался звук движения какого-то существа, как слабое шуршание сухих листьев. Я еще раз сделал отчаянную попытку встать, но разум мой был бессилен разрушить оковы.

Внезапно я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал резкий звук и почувствовал себя стоящим у стены пещеры. В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и прямо перед собой я увидел собственное тело. Оно лежало в той же позе: с широко открытыми глазами, устремленными к выходу из пещеры, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. У стены я стоял совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько неожиданным, что на минуту я забыл обо всем, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть? Неужели я действительно оказался по ту сторону жизни? Но я ясно ощущал сильный стук сердца – результат попытки освободиться от сковавшего меня онемения. Дыхание было прерывистым, из каждой поры тела выступил холодный пот. Я ущипнул себя и убедился, что не сплю.

Тут повторившийся глухой стон из глубины пещеры вернул меня к реальности. Я наг и безоружен, и нет ни малейшего желания стать лицом к лицу с невидимым врагом.

Я не мог себя заставить прикоснуться к собственному безжизненному телу, чтобы взять револьверы. Карабин был прицеплен к седлу ушедшего коня. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Это решение укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук из темноты пещеры.

Я быстро проскользнул наружу и очутился под звездным небом ясной аризонской ночи. Резкий и свежий горный воздух освежил меня, и я почувствовал, как с ним в меня вливается новая жизнь и новая отвага. Остановившись на краю выступа, я старался прояснить свое помутившееся сознание. Я размышлял о том, что в течение многих часов пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Здравый смысл подсказывал, что недавние шорохи происходили от каких-нибудь естественных и совершенно невинных причин. Может быть, само строение пещеры таково, что их производило легкое дуновение ветра.

Я решил вновь отправиться на разведку. Но прежде поднял голову, чтобы наполнить свои легкие чистым горным воздухом. Взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусом. Эта картина под фосфорическими лучами луны завораживала.

Немногие чудеса Запада могут так вдохновить человека, как освещенный луной горный пейзаж Аризоны. Посеребренные горы вдали, странное сочетание света и тени, причудливые контуры кактусов создают необыкновенную картину. Кажется, что заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно не похожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где раскинулись мириады звезд. Большая красная звезда над горизонтом привлекла мое внимание. И, глядя на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшебной силы. Это был Марс, бог войны, мой бог.

Я не мог оторвать от Марса свой взор, мне показалось, что он властно призывает меня к себе через необозримое пространство, как магнит притягивает к себе железо.

И тяготение оказалось невозможно преодолеть. Я закрыл глаза, протянул руки призывавшему меня богу войны и почувствовал, как с быстротой молнии какая-то волшебная сила понесла меня в звездную бесконечность.

Резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

3. Мое вступление на Марс

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я знал, что нахожусь на Марсе, пребываю в здравом уме и что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я оказался на ложе из желтоватого мха, расстилавшегося на целые мили вокруг. Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнаженного тела: он был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Там и тут возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а слева от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырех футов. В поле моего зрения не было ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Я же ощущал жажду и потому решил отправиться на разведку.

Когда я вскочил, Марс преподнес свой первый сюрприз: меня подняло в воздух ярда на три, а потом плавно опустило. Это было забавно, но мне пришлось снова учиться ходить, так как ноги, легко и крепко носившие меня на Земле, здесь, на Марсе, проделывали со мной самые неожиданные фокусы.

Я пытался двигаться вперед нормальным, достойным джентльмена образом, однако двигался какими-то смешными прыжками. Каждый шаг отрывал меня от почвы и через два или три скачка швырял навзничь. На Марсе тяготение меньше, чем на Земле, атмосферное давление ниже, и пока я терпел поражение в поединке с ними.

Все же я твердо решил осмотреть окрестности, а главное – необычное строение. И ухватился за оптимальный в моей ситуации способ: впал в детство и пополз на четвереньках. Это мне удавалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Она не имела ни окон, ни дверей. Так как высота ее была не более четырех футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее... Это было фантастическое зрелище!

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в четыре-пять дюймов, а под ней лежало несколько сот огромных яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Все яйца были практически одинаковы – два с половиной фута в диаметре.

Четыре или пять из них уже лопнули, и рядом сидели странные создания. Сразу бросалась в глаза непомерно большая голова, к которой при помощи длинной шеи присоединилось маленькое слабое тельце с шестью конечностями. Как я узнал позже, это были пара рук и ног и пара промежуточных конечностей, применяемых и в качестве рук, и в качестве ног. Глаза были посажены по краям головы, немного выше ее центра, и вращались независимо друг от друга, благодаря чему это уродливое существо могло смотреть в любом направлении или в двух направлениях одновременно.

Уши были расположены над глазами и имели форму небольших куполообразных щупалец. Они выдавались над головой примерно на один дюйм. Нос представлял собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их были совершенно лишены растительности, а кожа имела светлую желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан этот цвет переходит в оливковый, причем у мужчин темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так непропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, зрачок темный, а глазное яблоко белое. Такие же белые зубы придавали особенно хищное выражение и без того неприятной физиономии, так как нижние клыки загибались вверх, к глазам. Они выделялись необычайно резко на темном фоне оливковой кожи.

Но тогда у меня было мало времени, чтобы рассмотреть все это. Яйца лопались одно за другим, и маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан. Они двигались бесшумно по мягкому мху, покрывавшему почти всю поверхность Марса (только у полюсов была вечная мерзлота). Только случайное бряцанье оружия переднего воина предупредило меня.

Диву даюсь, как мне удалось тогда так легко спастись, ведь намерения у них были самые решительные. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся в своих кольцах сбоку от седла и не ударился о конец копья, я бы был уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближения смерти. Но этот легкий звук заставил меня обернуться, и я увидел, что на расстоянии десяти футов от моей груди сверкает острие длиной футов в сорок, смертельной угрозой блеснит его наконечник. Передо мной был отряд всадников, пришедших за потомством.

Мальши по сравнению с ними казались милыми и безобидными. Предводитель был ростом около пятнадцати футов; на Земле такой весил бы пудов десять. Его животное не имело ни поводьев, ни узды. Он восседал на своем «Росинанте», как мы на коне, обхватив его корпус нижними конечностями, а кисти двух правых рук были протянуты в разные стороны для сохранения равновесия.

Животное соответствовало своему чудовищному хозяину. Обычные слова вряд ли передадут впечатление от его вида. Восьминогий зверь ростом не менее десяти футов, плоский широкий хвост во время бега горизонтально вытянут, огромная пасть – от носа до длинной, массивной шеи.

Подобно своему господину, животное было совершенно лишено волосяного покрова. Лоснящаяся кожа на спине темно-грифельного цвета, на животе белая, а окраска ног, начиная от темных плеч и бедер цвета сланца, постепенно переходила в ярко-желтую. Ступни как огромные подушки, что делало их поступь совершенно бесшумной. Кстати, отсутствие копыт или когтей характерно для большинства обитателей планеты.

Вслед за возглавлявшим отряд марсианином тянулось еще девятнадцать таких же чудовищ. Позже я понял, что среди марсиан, как и среди нас, нет двух совершенно одинаковых. Тогда же картина эта произвела на меня впечатление материализовавшегося ночного кошмара.

Я был наг и безоружен и поспешил применить первый открывшийся мне закон чужой природы, чтобы избежать удара копья. Несильный по земным меркам прыжок вознес меня на крышу марсианского инкубатора (как я определил это строение). Это ошеломило марсиан, да и меня самого, так как я взлетел в воздух футов на тридцать. Прыгнув еще раз, я оказался на мягком мху в ста футах от неприятеля.

Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, похожим на удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детенышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Поняв, что у меня нет оружия, они стали смотреть менее свирепо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла проявленная мною ловкость. Дело в том, что огромные и тяжеловесные марсиане значительно менее проворны и сильны, учитывая их вес, нежели люди. Я сомневаюсь, что марсианин, перенесенный на Землю, мог бы поднять свое тело.

Вот почему моя ловкость показалась на Марсе такой же чудесной, какой она показалась бы и на Земле, и агрессия уступила место любопытству.

Оторочка дала мне возможность передохнуть и лучше рассмотреть воинов. Надо сказать, что до этой минуты рассудок мой еще не мог отделить этих врагов от вчерашних преследователей.

Я заметил, что каждый помимо копья имел еще оружие. С особой ловкостью марсиане владели чем-то вроде карабина. Этот карабин белого металла имел деревянное ложе. Древесина добывалась, как я узнал впоследствии, из очень легковесного, но прочного растения,

широко распространенного на Марсе и совершенно неизвестного нам. Металл представлял собой сплав из алюминия и стали. Металлы эти марсиане научились закаливать до твердости, значительно превышающей земную. Вес оружия был относительно невелик, но выстрел всегда смертелен благодаря мелкокалиберным разрывным снарядам из радия. Кроме того, такой карабин действует на расстоянии, совершенно немыслимом на Земле. Теоретически радиус действия равняется тремстам милям, фактическая дальность прицела – двести миль.

Конечно, я узнал это много позже, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы отнестись с большим уважением к огнестрельному оружию марсиан. Тогда же только испытанная интуиция предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от этих двадцати смертоносных жерл.

После коротких переговоров марсиане повернули своих коней и отъехали ярдов на двести. У инкубатора остался только один – тот, чье копьё едва не пронзило меня. Очевидно, это был вождь, остальные по его приказанию заняли наблюдательную позицию.

Предводитель отложил свое копьё и остальное оружие и направился ко мне. Теперь мы были в равном положении. Приблизившись ко мне на пятьдесят футов, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони, обратился ко мне громко и отчетливо. Разумеется, язык был совершенно непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив уши-щупальца и вперив в меня свои ужасные глаза.

Когда молчание стало тягостным, я осмелился заговорить, так как понял, что он предлагает мир. Ведь он снял с себя все оружие и удалил свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне. Почему бы на Марсе этот жест не мог иметь того же значения, что и на Земле?

Приложив руку к сердцу, я низко поклонился марсианину и объяснил ему, что, несмотря на неясность языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в настоящий момент очень дороги моему сердцу. Несомненно, я мог бы с равным успехом молотить и совершеннейшую чушь, так как марсианин понял лишь значение поступка, которым я завершил свою речь. А я, протянув руку, приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони и надел себе на руку поверх локтя. Затем улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он взял меня за руку, и мы зашагали к «Росинанту». В то же время по его сигналу остальные помчались к нам, но остановились не доезжая. По-видимому, они испугались, что я могу опять сделать прыжок, который унесет меня из поля зрения.

Вождь обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня занять место позади одного из них и сел на коня. Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил к себе за спину на лоснящийся круп животного. Я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия марсианина.

Затем вся кавалькада развернулась и понеслась галопом в направлении горной цепи, видневшейся вдали.

4. Пленник

Мы проехали около десяти миль, когда путь пошел вверх. Как я узнал позже, мы путешествовали по дну одного из давно уже высохших морей Марса и теперь приближались к берегу.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и, проехав через узкое ущелье, выбрались в открытую долину. Огромный город находился на низком плоскогорье. Мы мчались туда.

Разрушенное шоссе выходило прямо из города, но достигало лишь края плоскогорья, где внезапно обрывалось, переходя в лестницу из ряда широких ступеней.

Когда мы проезжали по городу, я увидел, что дома полуразрушены и необитаемы, по-видимому, уже много лет. В центре находилась большая площадь, которая, как и прилегающие к ней здания, была занята лагерем. Военным лагерем марсиан.

Меня поразило, что все были совершенно нагими, если не считать украшений. Женщины почти не отличались от мужчин, только клыки их были значительно длиннее, причем у некоторых достигали высоко посаженных ушей. Еще женщины были меньше ростом и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины. Рост взрослых женщин достигал десяти-двенадцати футов.

Тела детей были светлее, чем у женщин. Мне показалось, что все дети совершенно одинаковы, хотя одни были выше других, следовательно, старше.

Я не заметил стариков. Вообще, внешность марсиан существенно не меняется от зрелого возраста – сорока лет – до тысячелетнего. Достигший глубокой старости марсианин добровольно отправляется в последнее страшное плавание по реке Исс. Ее исток не известен никому, из лона этой реки не возвращаются. А если бы кто и возвратился из холодных темных вод, его никогда не оставили бы в живых.

Но только около двадцати марсиан из тысячи доживают до такого добровольного паломничества. Не более одного из тысячи умирает от болезни. Остальные девятьсот семьдесят девять погибают на войнах, дуэлях, охоте, в авиакатастрофах и так далее. Самая страшная участь достается детям, которые становятся добычей больших белых обезьян Марса.

Средний возраст, которого достигают марсиане после наступления зрелости, – около трехсот лет. Могли бы жить до тысячи, если бы не насильственная смерть. Я думаю, что это реакция на исчезновение жизненных ресурсов планеты. Марсиане обладают исключительными познаниями в медицине, но долговечность опасна для существования рода. Итак, жизнь на Марсе потеряла свою первоначальную ценность, это заметно по распространению опасных спортивных игр, а также из непрекращающейся вражды между отдельными общинами. Ни один мужчина и ни одна женщина на Марсе никогда не ходит без смертоносного оружия.

Когда мы приблизились к площади и мое присутствие было обнаружено, нас немедленно окружила добрая сотня марсиан. Мне показалось, что они сейчас стащат меня с коня моего стража.

Одно слово вождя – и шум прекратился. Мы направились к великолепному сооружению, каких я никогда не видел на Земле.

Здание невысокое, однако занимало внушительную площадь. Оно было построено из сверкающего белого мрамора, украшенного золотом и бриллиантами, которые сверкали под лучами солнца и переливались всеми цветами радуги. Главный вход шириной в несколько сот футов выдавался из здания так, что над входной галереей образовался огромный навес. Лестницы не было, но небольшой наклон, ведущий на первый этаж, расширялся в просторный зал, окруженный галереями.

Около сорока или пятидесяти марсиан мужского пола собралось в этом зале, оснащенном большим количеством разных пюпитров и стульев. Все они сгрудились вокруг ступеней кафедр. На ней восседал на корточках огромный воин. Он был увешан с головы до ног метал-

лическими украшениями и разноцветными перьями, кожаный убор был отделан драгоценными камнями, а с плеч свисала мантия из белого меха на подкладке пурпурного шелка.

Меня поразила непропорциональность размеров марсиан по отношению к столам, стульям и другой мебели. Все эти предметы были приспособлены для человеческого роста, а огромные тела марсиан лишь с невероятными усилиями втискивались в стулья, под пюпитрами не хватало места для их длинных ног. Из этого следовало, что на Марсе жили и другие обитатели. С другой стороны, на всей обстановке лежал отпечаток древности, очевидно, город принадлежал давно вымершей и забытой расе, обитавшей на Марсе в незапамятные времена.

Наш отряд остановился у входа в здание, и по знаку вождя меня опустили на землю. Опять рука об руку с предводителем мы прошли в зал аудиенций. По-видимому, на Марсе церемония представления верховному вождю проходит без особых формальностей.

Все расступались перед моим спутником, когда он шествовал к кафедре. Сидевший на корточках поднялся на ноги и произнес имя моего конвоира, тот остановился и полным титулом приветствовал правителя.

В тот момент вся церемония не имела для меня никакого значения, но позднее я узнал, что она является обычной формой приветствия зеленых марсиан. Иноземцы же, не знающие языка, должны молча обменяться украшениями, если миссия их носит мирный характер. Иначе они обменялись бы выстрелами.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он являлся помощником правителя общины и был известен как государственный муж и воин. По-видимому, он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией. Затем верховный вождь обратился ко мне.

Я произнес несколько вежливых фраз, которых он, естественно, не понял. В заключение своей речи я слегка улыбнулся, и он сделал то же самое. Это подтвердило мои надежды, что у нас есть хоть что-то общее – способность улыбаться. Позднее я узнал, что улыбка марсианина обманчива, а смех может заставить поседеть самого крепкого человека.

Чувство юмора у зеленых обитателей Марса не похоже на наше. Например, предсмертная агония товарища может вызвать необузданное веселье, а лучшим развлечением считается убийство военнопленных самыми изощренными способами.

Собравшиеся воины разглядывали меня, подойдя вплотную и ощупывая мышцы и кожу. Затем верховный вождь изъявил желание посмотреть, как я «летаю», и с Тарсом Таркасом направился к открытой площади, сделав мне знак следовать за ними.

После первой неудачной попытки я боялся самостоятельно ходить по Марсу. Теперь же, предоставленный самому себе, я продвигался между столами и стульями, спотыкаясь и падая подобно огромному кузнечнику. Я несколько раз весьма ощутимо ушибся (к большому удовольствию марсиан) и опять хотел прибегнуть к испытанному способу – ползти на четвереньках. Но марсианам это не понравилось, и один из них, что больше всех смеялся, грубо поставил меня на ноги.

Когда он наградил меня тумаком, физиономия его оказалась на очень близком расстоянии. Что оставалось делать джентльмену, честь и достоинство которого нагло нарушены? Нарушено элементарное уважение к правам чужестранца. Я ответил марсианину ударом в челюсть, и он свалился наземь, как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к пюпитру, ожидая мести его товарищей и твердо решив дать перед смертью хороший бой.

Но опасения мои оказались напрасными, так как остальные марсиане сперва были совершенно ошеломлены, а затем разразились диким хохотом и бурными рукоплесканиями. В тот момент я мало что понял, но позднее узнал, что так они выразили свое одобрение.

Верзила, которого я сшиб с ног, все еще валялся на земле, но ни один из товарищей даже не подошел к нему. Тарс Таркас приблизился ко мне, протянув одну из своих рук, и мы дошли до площади без дальнейших приключений.

Я не понимал сперва, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение. Марсиане несколько раз повторили слово «сак», затем Таркас сделал несколько прыжков и, обернувшись ко мне, потребовал: «Сак». Я понял и, собравшись с силами, совершил такой «сак», что поднялся на добрые полтора фута. Приятно, что на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по двадцать-тридцать футов я возвратился к группе воинов.

Мое представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких марсиан, и они немедленно стали просить повторения. Верховный вождь отдал соответствующий приказ, но я был голоден, хотел пить и решил потребовать к себе внимания. Поэтому в ответ на назойливые «сак» я указывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас и верховный вождь обменялись репликами, и первый дал какое-то указание молодой женщине из толпы, велел мне следовать за ней. Я ухватился за предложенную руку, и мы вместе пошли к большому зданию на другой стороне площади.

Моя «прелестная» спутница была около восьми футов ростом, светло-зеленого цвета, с гладкой, лоснящейся кожей. Как я узнал потом, ее имя было Сола и она принадлежала к свите Тарса Таркаса. Она привела меня в большую комнату, судя по разбросанным на полу лоскутам шелка и меха, это была спальня туземцев.

Из больших окон лился свет, комната была со вкусом украшена настенной живописью и мозаикой. Однако на всем этом лежал едва ощутимый отпечаток древности, который ясно говорил о том, что создатели этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с дикарями, живущими тут теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на кучу шелка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, подавая кому-то знак. Ее зов был услышан, и я увидел еще одно чудо Марса. Чудо вошло, покачиваясь на десяти тонких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудо, а вернее, чудовище было ростом с шотландского пони, голова его напоминала лягушачью, только челюсти были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков.

5. Я ускользаю

Сола посмотрела прямо в глаза зверюги, произнесла повелительным тоном пару слов, указала на меня и вышла. Мне было очень интересно, что будет делать это кровожадное с виду чудовище, оставленное наедине с таким изысканным мясным блюдом, как я. Опасения оказались напрасными: осмотрев меня весьма внимательно, создание спокойно пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось у порога.

Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой, но не последнее, поскольку зверь добросовестно охранял меня все время моего плена. Дважды это чудовище спасало мне жизнь.

Я воспользовался отсутствием Сола, чтобы осмотреть комнату, ставшую местом моего заключения. Настенная живопись изображала сцены редкой красоты: горы и реки, озера и моря, луга, деревья и цветы, извилистые проселочные дороги. Все как на Земле, если бы не иная окраска растительности. Работа принадлежала, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника исполнения. Но нигде я не увидел изображения человека или зверя и не мог судить об этих иных, вероятно вымерших, обитателях Марса.

Пока я размышлял и фантазировал, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила все на пол возле меня, а сама села поодаль, не сводя с меня внимательного взгляда. Еда состояла из фунта чего-то похожего на сыр, но абсолютно безвкусного. Напиток (очевидно, молоко какого-то животного) был несколько кисловат, но приятен. Впоследствии я очень полюбил его. Только жидкость оказалась не животного происхождения, так как на всем Марсе имелось лишь одно млекопитающее, являвшееся большой редкостью. Добывалась она из большого растения, которое растет практически без воды, но производит значительные запасы этого молока за счет почвы, воздуха и солнечных лучей. Одно такое растение давало от восьми до десяти четвертей молока в день.

Насытившись, я почувствовал себя значительно лучше, но сказывалась усталость. Я растянулся на шелковых тряпках и вскоре заснул. Проспал я довольно долго и проснулся от нестерпимого холода. Кто-то набросил на меня мех, но во сне он соскользнул, и в темноте я никак не мог найти его. Вдруг чья-то рука заботливо укрыла меня мехом. Я подумал, что это Сола, и не ошибся. Из всех зеленых марсиан, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашел друга. Она неустанно заботилась обо мне, и ее доброе отношение избавило меня от многих страданий.

Как я узнал впоследствии, ночи на Марсе чрезвычайно холодные, а так как здесь нет ни сумерек, ни зари, то перепады температуры всегда очень резки и неприятны. Так же резок и переход от яркого света к полному мраку.

Ночи здесь вообще необычны. Если обе луны Марса появляются ночью на небе, то поверхность планеты ярко освещена. Когда на небе нет ни одной, внизу царит абсолютный мрак. Чрезмерная разреженность атмосферы не пропускает звездный свет на планету.

Луны Марса значительно ближе к нему, чем наша Луна к Земле. Ближайшая находится от Марса всего на расстоянии в пять тысяч миль; наша же Луна отделена от Земли расстоянием в четверть миллиона миль.

Та луна, что поближе к Марсу, полностью обращается вокруг планеты в течение семи с половиной часов. Два-три раза в ночь она эффектно пролетает по небу, подобно огромному метеориту.

Более отдаленная луна обращается вокруг Марса в тридцать с четвертью часов и вместе со своим спутником превращает ночную панораму в великолепное зрелище.

Марсу повезло, что природа так щедро осветила его ночи, так как зеленые марсиане – кочевое племя без особого интеллекта. У них были самые примитивные средства искусственного освещения: факелы и свечи.

Правда, они изобрели необычную масляную лампу, испускающую особый газ и горящую без светильника. Она давала очень яркий, далеко распространяющийся белый свет. Но натуральное масло, требовавшееся для такой лампы, добывалось рудопромыслами в весьма отдаленных и глухих местах планеты. Поэтому применяли ее очень редко. Марсиане испытывают отвращение ко всякому труду, а думают лишь о том, как убить время. Это и оставило их в полудиком состоянии.

После того как Сола привела в порядок мои покрывала, я вновь заснул уже до утра. Марсианки еще спали, покрытые целыми грудями пестрого шелка и мехов. У порога лежал бессонный сторожевой зверь, вытянувшись так же, как накануне. По-видимому, с тех пор он не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня. Любопытно, что он сделает, если я попробую сбежать?

Я всегда был склонен экспериментировать там, где более разумные люди спокойно ожидали бы естественного хода событий. Мне пришла в голову мысль попытаться выйти из комнаты. Я был совершенно убежден, что на улице легко «улучу» от зверя, применив свои прыгательные способности. Он же, со своими короткими лапами, явно не прыгун и даже не скороход.

Медленно я встал на ноги, и в то же мгновение мой часовой сделал то же самое. Я осторожно продвигался к нему, обнаружив, что при помощи качающейся поступи могу сохранять равновесие и идти довольно быстро. Когда я приблизился к чудовищу, оно отодвинулось в сторону, чтобы дать мне пройти. Затем оно пошло за мной, следуя на расстоянии десяти шагов, пока я шагал по пустынным улицам.

«Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране», – подумал я. Но когда мы дошли до окраины города, зверь внезапно прыгнул вперед меня, издавая странные звуки и обнажая свои страшные клыки. Желая немного позабавиться, я подскочил, поднялся высоко над ним и вылетел за пределы города. А он понесся за мной с невероятной скоростью. Я думал, что его короткие ноги не могут иметь ничего общего с быстротой, но оказалось, что борзые собаки по сравнению с ним сонные улитки. Как я узнал потом, это самое быстрое животное на Марсе. Его ценят за сообразительность, преданность и свирепость и используют на охоте и войне.

Вскоре я понял, что мне трудно будет ускользнуть, если продвигаться по прямой, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только он приближался ко мне. Этот маневр принес мне значительное преимущество перед моим преследователем, и я достиг города намного раньше него. А когда он, совершенно выведенный из себя, догнал было меня, я прыгнул на тридцать футов вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих в долину.

Я уселся на подоконнике, не заглядывая внутрь здания и не отводя взора от разъяренного животного внизу. Но торжествовать победу было рано: чья-то огромная рука схватила меня сзади за шиворот, с силой втащила в комнату и бросила на пол.

Колоссальное обезьяноподобное существо стояло передо мной. У него была белая кожа и огромный пук щетинистых волос на голове.

6. Битва, одарившая меня друзьями

Это существо гораздо больше походило на землян, нежели зеленые марсиане, но оно пригвоздило меня к полу своей огромной лапой. А второе такое же существо вскоре приблизилось с большой дубиной, собираясь меня прихлопнуть.

Они были от десяти до пятнадцати футов высоты, когда стояли во весь рост, и имели, подобно зеленым марсианам, по несколько промежуточных рук и ног, располагавшихся между верхними и нижними конечностями. Глаза их были близко посажены и не вращались; уши помещались высоко, но ближе к бокам головы, чем у зеленых марсиан. Вообще мордами (особенно зубами) они очень походили на африканскую гориллу. По сравнению с зелеными марсианами были даже в чем-то привлекательнее.

Дубина уже нависла над моей головой, как вдруг какое-то многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на моего палача. Обезьяна с воплем ужаса выскочила в открытое окно, а мой избавитель схватился со второй гориллой не на жизнь, а на смерть. Это был верный сторожевой зверь (никак не могу назвать его просто собакой).

Я быстро вскочил на ноги и, отбежав на относительно безопасное расстояние, стал наблюдать схватку, какую удастся увидеть немногим. Сила, ловкость и ярость этих двух существ были фантастическими. Сперва преимущество было на стороне моего защитника: его могучие когти впились в грудь соперника. Но вот горилла своими огромными мускулистыми лапами схватила его за горло и стала медленно выжимать из него жизнь. Голова зверя запрокинулась так, что каждую секунду он мог упасть со сломанной шеей.

Они катались по полу, однако никто не издал ни звука ужаса или боли. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей идет кровь. Было ясно, что он слабеет, но и грудь обезьяны уже была изодрана в клочья, а движения делались все менее и менее резкими.

Внезапно я пришел в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению долга, схватил дубину и изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов ее череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Вторая горилла, пришедшая в себя после первого испуга, вернулась в дом через какой-то черный ход. Я увидел противника, охваченного яростью до такой степени, что пена шла из пасти, и мою душу обуяли мрачные предчувствия.

Я согласен вступить в борьбу, когда шансы противника не слишком превышают мои, но в данном случае это было бы неразумно, так как единственным исходом такого столкновения была бы моя смерть.

Правда, в руке я держал дубину, но что она могла значить против четырех огромных лап моего соперника! Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнет меня остальными раньше, чем я соберусь с силами для повторного нападения.

Я стоял у окна, стоило мне очутиться на улице и «взлететь» – я оказался бы в безопасности. Эта мысль спасительным вихрем пронеслась у меня в голове, я уже рванул к окну, но взглянул на моего стража, и мысли о полете испарились.

Мой страж лежал на полу совершенно обессиленный, и огромные глаза его неотрывно глядели на меня с выражением мольбы. Я не мог противостоять этому взгляду, не мог покинуть своего спасителя, не вступившись за него так же, как он вступился за меня.

Итак, без дальнейших колебаний я приготовился встретить нападение взбешенной обезьяны. Она набросилась на меня, и я нанес ей сильный удар под колено. Раздался рев ярости и боли, зверь потерял равновесие и повалился прямо на меня с протянутыми вперед лапами.

Тогда, отбросив дубину, кулаком правой руки я нанес ему сильный удар в подбородок, а затем моя левая рука ударила его под ложечку.

Эффект превзошел все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал навзничь, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через распростертое тело, я схватил дубинку и прикончил его, даже не дав ему подняться на ноги.

Смех раздался позади меня. Обернувшись, я увидел Тарса Таркаса, Солу и еще трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Они смеялись, но аплодировали мне, что делают в исключительно редких случаях.

Оказывается, Сола быстро заметила мое отсутствие, о чем уведомила Тарса Таркаса, и он с горсткой воинов немедленно отправился на поиски. Выйдя на окраину города, они заметили обезьяну, которая в ярости вбежала в дом.

Они последовали за ней, хотя и не думали, что она приведет их ко мне. И вдруг, совершенно неожиданно для самих себя, оказались свидетелями короткой, но решительной схватки. Этот бой, как и вчерашний с молодым воином, а также моя ловкость по части прыжков сильно подняли меня в их глазах. Эти существа не признавали никаких утонченных чувств (сродни дружбе, любви или преданности), но преклонялись перед физической силой и отвагой. Я внушил им уважение.

Сола была единственной, кто не смеялся, когда я боролся за свою жизнь. Напротив, она сильно переживала и, как только я прикончил чудовище, заботливо осмотрела меня, ища на теле раны. Удостоверившись, что я цел и невредим, она спокойно улыбнулась и, взяв меня за руку, направилась к дверям.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле измученного битвой пса. Они что-то обсудили, и Тарс Таркас жестом отдал какое-то приказание и повернулся, чтобы уйти.

Я почувствовал угрозу моему стражу. Только что мы с ним спасли друг другу жизни, и я не решался покинуть его, пока не узнаю, в чем дело. И правильно сделал, так как воин вытащил из-за пояса пистолет и хотел уже прикончить животное, но я успел схватить его за руку. Пуля пробила огромное отверстие в каменной кладке.

А я встал на колени возле этого ужасного на вид пса, помог ему подняться и приказал следовать за мной. Мой поступок поразил марсиан: они совершенно не понимали таких чувств, как сострадание и благодарность. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот знаком велел оставить пса.

Итак, мы возвратились на площадь, за мной по пятам следовал большой безобразный зверь, а рядом шла Сола. В конце концов на Марсе у меня оказалось двое друзей: молодая женщина и безгласное животное, в уродливом теле которого содержалось больше любви, нежели у всех зеленых марсиан, скитавшихся по мертвым морям Марса.

7. Дети марсиан

После завтрака, который был точной копией меню предыдущего дня, Сола провела меня на площадь. Там вся община наблюдала, как впрягали в трехколесные повозки огромных, схожих с мастодонтами животных. Повозок было около двух с половиной сотен, в каждую впрягли по одному животному. Судя по виду, эти мастодонты легко могли бы вынести на себе основательно нагруженный фургон фуража.

Сами повозки были велики и удобны, даже роскошны. На каждой сидела марсианка, вся в металлических украшениях, драгоценных камнях и мехах. На спинах животных восседали молодые марсиане-возницы. Упряжные животные не имели ни удила, ни поводьев (как и «кони» воинов) и управлялись исключительно при помощи телепатии.

На Марсе изумительно развита телепатия, что искупает примитивность языка и сравнительно небольшой запас слов в обычном разговоре. Телепатия же универсальна, именно так высшие и низшие существа Марса могут общаться между собой.

Кавалькада выстроилась гуськом и тронулась в путь. Сола втащила меня в пустую повозку, и мы тронулись вслед за процессией. Во главе ее ехало около двухсот воинов, по пять в ряд, столько же в арьергарде, а двадцать или тридцать всадников составляли нашу охрану с каждой стороны.

Все мужчины и женщины были вооружены, а за каждой повозкой шествовала марсианская собака. Моя собственная собака тоже следовала за нами. (Верное животное ни разу добровольно не покидало меня в течение всех десяти лет, что я провел на Марсе.) Наша дорога проходила через небольшую долину, холмы и вниз – на дно мертвого моря. Именно там, у «инкубатора», произошло мое знакомство с марсианами. Вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Инкубатор и был конечным пунктом нашего путешествия.

Мы остановились, и повозки с военной точностью окружили инкубатор. Человек десять воинов во главе с гигантом-вождем спустились на землю и направились к зданию. Тарс Таркас что-то говорил главному вождю, которого звали Лоркас Птомель Джед, причем джед было титулом. Вскоре Таркас через Солу подозвал меня. Я уже научился передвигаться по Марсу и быстро приблизился.

Почти из всех яиц уже вылупились отвратительные маленькие дьяволята. Инкубатор кишмя кишел ими. Ростом они были от трех до четырех футов и без усталости ползали с места на место в поисках пищи.

Когда я остановился перед Тарсом Таркасом, он указал рукой вверх инкубатора и произнес: «Сак». Он хотел, чтобы я повторил свой вчерашний прыжок-полет для Лоркаса Птомеля. Должен сознаться, что мне это польстило, и я прыгнул высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора. В ответ Лоркас Птомель пробурчал что-то невнятное в мою сторону и больше не обращал на меня внимания. Он занялся делами, а я получил возможность наблюдать.

Воины пробили в стене инкубатора выход для детенышей и встали в две длиннейшие шеренги по обе его стороны, образовав узкий коридор. Маленькие марсиане неслись со всех ног, как стая диких оленей. Им позволили пробежать проход во всю его длину, а затем женщины и старшие дети отлавливали их по одному, причем последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда тот достигал конца коридора. Женщины сразу забирали детенышей в повозки, а подростки передавали их марсианкам с рук на руки.

Когда церемония была окончена, я отправился на поиски Сола и нашел ее в нашей повозке с отвратительным маленьким существом, которое она крепко сжимала в объятиях.

Как воспитывают марсиан? Их просто учат говорить и пользоваться оружием с первого же года жизни. У них нет настоящих отцов и матерей. Пять лет они провели в яйце (период инкубации), вылупились и выходят на свет вполне развившимися, за исключением роста. Они являются общими детьми, и их образование зависит от женщины, к которой они попадут после инкубатора.

Приемные матери могут даже не иметь собственного яйца в инкубаторе. Так было с Солой, которая еще не начала класть яиц, когда стала матерью младенца другой женщины. Но у марсиан это обычная система: любовь родителей к детям и детей к родителям неизвестна им.

Я полагаю, что именно эта ужасная система, применявшаяся веками, и уничтожила всю красоту, тепло их жизни. С рождения марсиане не знают ни отцовской, ни материнской любви, не понимают значения слов «у себя дома». Их признают «пригодными к жизни», только когда они докажут силу. Любого детеныша с малейшим физическим недостатком убивают. Испытания эти мало кому под силу, но марсиане плакать не будут.

Возможно, это даже не жестокость. Жители Марса ведут тяжелую и безжалостную борьбу за существование на умирающей планете. Все естественные богатства на ней истощены до такой степени, что поддержка каждой лишней жизни означает лишнее бремя. Марсиане дают жизнь только сильным особям и с поистине сверхъестественной дальновидностью регулируют рождаемость. Каждая взрослая женщина-марсианка производит на свет около тридцати яиц в год, их скрывают в тайниках подземной пещеры, где температура слишком низка для инкубации. Раз в год эти яйца внимательно исследуются советом двадцати старейшин, и оставляется сотня самых совершенных, остальные уничтожаются. К концу пяти лет из нескольких тысяч произведенных на свет яиц бывает отобрано приблизительно пятьсот – тысяча. Их помещают в почти не пропускающие воздух инкубаторы, чтобы солнечные лучи наконец дали им жизнь.

Нынешнее деторождение было одним из удачнейших: почти все яйца оказались созревшими к одному дню. Если же из оставшихся яиц позже и вылупятся маленькие марсиане, они будут предоставлены сами себе. Такие дети нежелательны, так как передадут и своему потомству склонность к более длительному периоду инкубации. Это нарушит вековую систему расчетов, определяющую время возвращения к инкубатору с точностью до одного часа.

Инкубаторы строятся в отдаленных, хорошо защищенных местах, чтобы укрыть их от враждебных племен. Если чужаки все же найдут и уничтожат кладку, это катастрофа, в общине еще пять лет не будет детей. Впоследствии мне пришлось быть свидетелем результатов такой катастрофы.

Племя, в которое я попал, насчитывало тридцать тысяч душ. Они кочевали по огромному пространству бесплодной пустыни между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты. Инкубатор находился далеко на севере, на необитаемой равнине. Главные стоянки были расположены на юго-западе, вблизи пересечения двух так называемых «марсианских каналов». И теперь предстояло тяжелое, долгое путешествие домой.

В мертвом городе я провел несколько дней в полном бездействии. На следующий день воины рано утром уехали куда-то и вернулись только к ночи. Как я узнал позже, они перенесли очередную партию яиц из подземных пещер в инкубатор, стену которого затем опять заделали на новый пятилетний период.

Обязанности Сола увеличились теперь вдвойне, так как она должна была заботиться кроме меня еще и о детеныше. Но это было несложно, потому что мы оба ничего не знали о жизни на Марсе и Сола обучала нас одновременно.

«Добычей» Сола оказался хорошо сложенный, сильный мальчик около четырех футов роста. Он быстро всему учился, и скоро мы подружились.

Я уже говорил, что марсианский язык чрезвычайно прост, и через неделю занятий я мог общаться на элементарном уровне. Также под руководством Сола я до такой степени развил свои телепатические способности, что скоро понимал практически все происходящее вокруг

меня. Солу, правда, удивляло, что, хотя я легко схватывал чужие мысли (даже когда они предназначались не мне), никто не мог разобрать мои.

Вначале это уязвляло меня, но впоследствии я был очень рад этому, поскольку такая особенность давала мне преимущество.

8. Небесная пленница

Вскоре марсиане собрались в обратный путь к своему лагерю. Но едва мы вышли за пределы города, был отдан приказ к немедленному возвращению. Зеленые марсиане как опытные воины быстро рассеялись по ближайшим зданиям. Через три минуты не осталось и следа от целого каравана повозок, мастодонтов и вооруженных всадников.

Мы с Солой оказались в том самом доме, где произошла моя встреча с обезьянами. Я захотел узнать, чем вызвано наше срочное отступление, поднялся на верхний этаж и выглянул в окно. Там я увидел причину. Огромное парусное судно медленно летело через гребень ближайшей горы. За ним последовало еще одно, еще... пока не показалось двадцать штук, которые медленно и величественно двигались к нам, низко фланируя над равниной.

Каждое имело странное знамя, развевающееся над палубой от носа до кормы, а на носу был изображен необычный символ, который сверкал в солнечных лучах и был ясно виден издали. Я мог различить фигуры, толпившиеся на верхней и средней палубах воздушного судна. Обнаружили ли они наше присутствие или просто смотрели на покинутый город, я не знаю, но их ожидала жестокая встреча. Зеленые марсиане дали залп внезапно и безо всякого предупреждения.

Картина мирного величественного полета магически изменилась. Передовое судно метнулось в нашу сторону, разворачиваясь боком, и произвело ответный залп. Прошло недолго параллельно нашему фронту и повернуло обратно с очевидным намерением, описав большой круг, вновь очутиться на позиции. Остальные суда шли в его кильватере, причем каждое из них выпустило в нас залп, но у нас было преимущество внезапности. Наш собственный огонь тоже не уменьшался, и большинство снарядов попадали в цель. Я никогда еще не видел более смертоносной точности прицела: взрыв каждого ядра заставлял падать одну из маленьких фигур на корабле, а знамена и палуба вспыхивали языками пламени.

Каждый зеленый воин знает, куда именно он должен стрелять. Например, лучшие стрелки всегда направляют огонь исключительно против беспроволочных аппаратов и против аппаратов для выверки прицела тяжелых орудий нападающего флота; другие выполняют ту же задачу против меньших пушек; третьи – подстреливают канониров; следующие – офицеров. Наконец, малоопытные стрелки сосредотачивают огонь на оставшихся членах команды.

Через двадцать минут после первого выстрела флот, понесший большие потери, ретировался. Некоторые из кораблей давали заметный крен, их огонь совершенно прекратился, и вся энергия, казалось, сосредоточилась на бегстве. Тогда зеленые марсиане ринулись на крыши и проводили отступавшую армаду беспощадным оружейным огнем.

Как бы то ни было, кораблям удалось скрыться за гребни гор. На виду осталось только одно едва двигавшееся судно. Именно оно приняло на себя первый удар, и теперь, казалось, там не осталось ни одной живой души. Неуправляемое, оно отклонилось от своего пути и шло по направлению к нам, двигаясь странным и возбуждающим жалость образом. Когда стало ясно, что корабль совершенно беспомощен, воины прекратили огонь.

Судно приблизилось к городу, и марсиане устремились к равнине, чтобы встретить его, но оно было еще слишком высоко. Со своей позиции у окна я видел разбросанные по палубе тела, хотя и не мог еще различить, к какому роду существ они принадлежат. На судне не было никаких признаков жизни, и ветерок медленно относил его в юго-западном направлении.

Оно летело над землей на высоте приблизительно пятидесяти футов, воины следовали за ним. Правда, около сотни остались на крышах для защиты от возможного возвращения флота или подкрепления. Вскоре стало очевидным, что корабль ударится о фасад здания приблизительно на милю южнее наших позиций. Несколько всадников помчались галопом вперед, спешили и вошли в дом, куда кораблю суждено было пристать. Когда судно приблизилось и

вот-вот должен был последовать удар, они прыгнули из окон на палубу и своими длинными копьями уменьшили силу столкновения. Затем они сбросили якорь, за который остальные стянули корабль вниз.

Якорь был закреплен, все толпой бросились на судно и обыскали его от носа до кормы. Я видел, как они осматривали мертвых матросов. Затем появилась группа воинов, тащивших за собой маленькую фигурку. Она была вдвое меньше ростом и даже издали не походила на зеленых марсианских воинов. Я предположил, что это представитель другого племени.

Марсиане спустили своего пленника на землю и приступили к систематическому разгрому корабля. Эта операция потребовала нескольких часов, множество повозок перевозило добычу. Она состояла из оружия, амуниции, шелков, мехов и драгоценностей. Были также каменные фигурки кораблей со странной резьбой, еда и сосуды с водой, которую я увидел на Марсе впервые.

Наконец разграбленный корабль потащили на канатах в долину. Некоторые воины еще оставались на нем и с большим рвением обшаривали карманы мертвецов. Закончив эту операцию, они поспешно соскользнули по канатам на землю. Последний повернулся и бросил что-то на палубу. Показался столб пламени, канаты сразу отделились от корабля, и огромное военное судно величественно устремилось в воздух. Его палуба уже представляла собой сплошную массу огня.

Медленно оно направлялось к юго-востоку, поднимаясь все выше и выше по мере того, как огонь пожирал деревянные части и уменьшал тем самым его вес. Я наблюдал за кораблем до тех пор, он не затерялся в туманной безбрежности мирового пространства. Грандиозное зрелище: огромная пирамида огня летит без руля и ветрил по пустынным безднам марсианских небес. Меня это зрелище подавляло и одновременно наводило на мысль, что умирающий летучий корабль олицетворял собой жизненную историю тех странных и жестоких существ, к которым я попал по воле рока.

Странное чувство охватило меня. Из глубины души поднялась тоска по этим неведомым врагам, я почувствовал родство с ними. Появилась надежда, что флот вернется и потребует от зеленых воинов ответа за их беспощадное и ничем не обоснованное нападение.

Вместе со всеми я вернулся на площадь, за мною по пятам – теперь это было привычное для него место – шел пес Вула. Путешествие домой было отложено из-за страха перед ответной атакой воздушного флота.

Лоркас Птомель был слишком хитрым старым воином, чтобы быть пойманным на открытой равнине с караваном из повозок и детей, и мы остались в покинутом городе.

Когда Сола и я вышли на площадь, мне удалось разглядеть пленницу с военного корабля, которую несколько зеленых марсианок грубо тащили в ближайшее здание. Меня окатило волной смешанных чувств: надежды, страха, восторга и уныния, но преобладало едва уловимое ощущение облегчения и радости. Перед моими глазами предстала гибкая девичья фигурка, подобная земным женщинам до мельчайших деталей. Сперва она не заметила меня, но, уже почти исчезая в портале строения, которое должно было стать ее тюрьмой, она оглянулась. Наши глаза встретились.

Ее овальное лицо отличалось необычайной красотой: точеные черты поражали изысканностью; глаза были огромными и блестящими, черные как смоль выющиеся волосы уложены в необычную прическу. Кожа была медного оттенка, на ее фоне с чарующей прелестью выделялись румянец щек и рубин тонко вырезанных губ. Она была так же нага, как и сопровождающие ее зеленые марсианки. Только украшения очень тонкой работы. Но никакие наряды не могли усилить красоту ее фигуры.

Когда ее взор остановился на мне, глаза широко открылись от удивления и она подала незаметный знак, который я не понял. Только одно мгновение мы смотрели друг на друга, а затем надежда и радость, осветившие сперва ее лицо, сменились выражением презрения. Я

догадался, что своим знаком она взывала о помощи, но мое незнание марсианских обычаев помешало мне ответить. Ее поволокли в глубину заброшенного здания, и она исчезла с моих глаз.

9. Я изучаю язык

Я пришел в себя и взглянул на Солу, которая видела наш обмен взглядами. Какое-то странное выражение появилось на ее обычно бесстрастном лице. Я не понимал, что она думает, так как до сих пор знал язык марсиан только на элементарном уровне.

У входа в наш «дом» меня ожидал сюрприз. Подошедший воин вручил мне оружие и амуницию, сопровождая их несколькими нечленораздельными словами. На лице его одновременно читались уважение и угроза.

Позднее Сола с помощью нескольких женщин переделала все эти принадлежности под мои меньшие пропорции, и я стал ходить, облаченный в военные доспехи.

С этого дня Сола стала посвящать меня в тайны обращения с разным оружием, и я практиковался вместе с юным марсианином по несколько часов ежедневно. Мое знакомство с земным военным искусством превращало меня в необыкновенно способного ученика.

Нашим обучением руководили исключительно женщины, они же производили порох, патроны, огнестрельное оружие – одним словом, все, что обладало на Марсе какой-либо ценностью. Во время войны из них формировались резервы, и в случае необходимости они сражались даже с большей сообразительностью и жестокостью, чем мужчины.

Мужчины занимались более сложными вопросами военного искусства – стратегией и маневрированием большими войсковыми частями. Еще они разрабатывали законы – новый закон для каждой новой ситуации. Совершая правосудие, марсиане не связывают себя предыдущими решениями, принятыми в аналогичном случае. Обычай передается из века в век, но наказание за их нарушение определяется в зависимости от индивидуальных обстоятельств. Суд вершат лица, равные преступнику по социальному статусу. Я могу с уверенностью сказать, что такое правосудие редко делает промах. В одном отношении, по крайней мере, марсиане счастливый народ – у них нет адвокатов.

Я не встречал пленницу в течение нескольких дней, а затем видел ее только мельком, когда ее вели в большую приемную залу, где произошла моя первая встреча с Лоркасом Птомелем.

Я не мог не заметить резкости и грубости, какие проявляла к ней стража. Это было так не похоже на почти материнскую мягкость Сола или почтительное отношение ко мне некоторых зеленых марсиан.

Я уловил также, что пленница пару раз о чем-то говорила со своей стражей. Значит, и я смогу как-то достичь с ней взаимопонимания. Поэтому я довел Солу почти до слез своими навязчивыми просьбами ускорить мое обучение и через несколько дней настолько овладел языком марсиан, что был в состоянии довольно сносно поддержать разговор.

К этому времени в нашей спальне, кроме Сола, ее питомца, меня и Вулы, жили еще несколько женщин с парой недавно вылупившихся детей. Когда дети уходили спать, женщины обычно немного болтали перед сном. Теперь я мог понимать их язык и внимательно слушал, хотя сам никогда не издавал ни звука.

В ночь, последовавшую за посещением пленницей приемной залы, разговор в конце концов коснулся этой темы. Я в мгновение ока превратился в слух. Я боялся спрашивать Солу о прекрасной марсианке, так как помнил то странное выражение на ее лице. Я не знал, была ли это ревность, но все же находил более благоразумным проявлять пока полное безразличие.

Саркойя (одна из пожилых женщин, деливших с нами кров) присутствовала в качестве стражницы при аудиенции. Одна из женщин спросила ее:

– Когда же мы насладимся агонией этой краснокожей? Или Лоркас Птомель Джед намерен держать ее ради выкупа?

– Они решили отвезти ее с нами в Тарк и там предать ее смертным мукам во время великих игр перед Тал Хаджус, – ответила Саркойя.

– Каким образом это произойдет? – спросила Сола. – Она миниатюрна и очень красива. Я надеялась, что ее будут держать ради выкупа.

Саркойя и другие женщины недовольно заворчали при проявлении такой слабости со стороны Сола.

– Очень жаль, Сола, что вы не родились на миллион лет раньше, – фыркнула Саркойя, – когда все углубления в почве были наполнены водой и люди были столь же податливы, как вещество, в котором они плавали. В наши прогрессивные дни проявления подобных чувств можно назвать атавизмом, и они указывают на малодушие. Не следует обнаруживать собственную дегенерацию перед Тарсом Таркасом, так как в таком случае он может отнять у вас серьезные обязанности матери.

– Я не вижу ничего дурного в своем отношении к пленнице, – возразила Сола. – Она не приносила нам вреда и не принесла бы, попади мы в ее руки. Это мужчины ее племени воюют с нами, но я иногда думаю, что это их ответ на нашу враждебность. Они живут в мире со всеми своими соседями, а мы не поддерживаем мира ни с кем. Мы вечно воюем даже с себе подобными, и даже в наших собственных общинах мужчины бьются друг с другом. Непрерывный поток крови начинается с того момента, когда мы пробиваем скорлупу, и продолжается до тех пор, когда мы с радостью бросаемся в лоно реки сокровенных тайн, мрачную и древнюю Исс. Она уносит нас к неизвестному, но не более жуткому существованию, чем мы ведем при жизни. По-настоящему счастлив только тот, кого встречает ранняя смерть. Говорите Тарсу Таркасу что хотите, он не сможет сделать мою жизнь хуже, чем она есть.

Эта дикая вспышка со стороны Сола так сильно удивила и оскорбила других женщин, что после коллективного выговора воцарилось молчание и вскоре все заснуло. Этот эпизод послужил мне на пользу, так как я убедился в дружелюбном отношении Сола к бедной девушке, а также понял, как мне повезло, что я попал именно в ее руки. Раньше я видел ее доброту ко мне, а теперь узнал, что и она ненавидит жестокость и варварство. Я смогу положиться на нее в устройстве моего с пленницей побега, если только такое в пределах возможного.

Я даже и не знал, было ли на Марсе место, куда стоило бежать, но лучше было оказаться среди существ, созданных по моему подобию, чем оставаться среди отвратительных и кроваво-жадных зеленых марсиан. Но как бежать – это было такой же загадкой для меня, как тысячелетние поиски вечной юности для землян.

Я решил при первой возможности довериться Соле и просить ее помощи. С этим твердым решением я растянулся на своих шелках и мехах и погрузился в освежающий сон без сновидений.

10. Победитель и вождь

На следующее утро я спозаранку выбрался на улицу. Мне была предоставлена значительная свобода, и Сола сказала, что я могу гулять по городу как угодно, но не выходить за его пределы. Однако она предостерегла меня, чтобы я не выходил безоружным, так как этот город, подобно другим покинутым городам старинной марсианской цивилизации, населен большими белыми обезьянами, с которыми мне пришлось столкнуться уже на второй день моих приключений.

Советуя мне не покидать пределов города, Сола объяснила, что Вула ни в коем случае не допустил бы это. Не стоило возбуждать его гнева, так как в случае послушания он вернул бы меня живым или мертвым. «Скорее мертвым», – добавила она.

В это утро я выбрал для своих исследований новую улицу и неожиданно очутился на краю города. Передо мной открылись низкие холмы, прорезанные узкими живописными лощинами. Я жаждал исследовать простирающуюся передо мной местность, ведь во мне текла кровь американских пионеров. Хотелось взобраться на одну из вершин, преграждающих мне горизонт. К тому же это отличный способ испытать Вулу. Я был убежден, что это животное меня любит. Я видел в нем гораздо больше признаков симпатии, чем в ком-либо другом из живых существ Марса. Благодарность за двукратное спасение жизни должна перевесить его преданность долгу, наложенному на него бесчувственными хозяевами.

Когда я приблизился к городской черте, Вула поспешно побежал вперед и ткнулся в мои ноги. Выражение его морды казалось мне скорее просительным, чем свирепым, он не обнажал своих больших клыков и не издавал ужасных гортанных криков.

Нормальный человек должен иметь выход естественным чувствам, и я был уверен, что не разочаруюсь в своем расположении к этому большому зверю.

Я никогда не гладил его и не нежничал с ним, но тут присел на землю, обвил руками его мощную шею и начал поглаживать, говоря с ним на марсианском языке. Так я разговаривал бы дома со своей собакой или каким-нибудь иным другом из мира животных. Он реагировал на это самым неожиданным образом.

Разинув свою широкую пасть, он обнажил верхний ряд зубов и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается шотландская овчарка, то поймете, как выглядела физиономия Вулы.

Он лег на спину и начал валяться у моих ног. Потом вскочил, бросился на меня, причем опрокинул своей тяжестью, затем, вертясь и извиваясь, как резвый щенок, начал подставлять свою спину, чтобы я гладил еще. Зрелище было настолько забавным, что я не мог устоять и, держась за бока, покатывался со смеху – это был мой первый смех за много дней. Последний раз я смеялся, когда Поуэль уезжал из лагеря на необъезженной лошади и она неожиданно сбросила его вверх тормашками на цветочную грядку.

Мой хохот испугал Вулу, его прыжки прекратились, и он с жалобным видом подполз ко мне, тычась головой в колени. Я вспомнил, что обозначает на Марсе смех – муку, страдание, смерть! Подавив свою смешливость, я погладил беднягу, поболтал с ним немножко, а затем властным тоном приказал ему следовать за мной.

Теперь между нами больше не было вопроса о том, кто хозяин: с этого момента Вула был моим преданным рабом, а я его единственным повелителем. Через несколько минут я добрался до вождельных холмов, но не нашел там ничего особенно интересного. По склонам росло множество диких цветов, странной формы и великолепной окраски. С вершины же ближайшего холма я увидел лишь другие, тянувшиеся гребень за гребнем до самых гор. Горы производили величественное впечатление, но впоследствии я узнал, что на всем Марсе было только несколько пиков, превышавших четыре тысячи футов.

Моя утренняя прогулка имела огромное значение, так как я окончательно подружился с Вулой, которого Тарс Таркас приставил ко мне сторожем. Теперь я знал, что являюсь пленником только в теории. Фактически я был свободен, но поспешил вернуться в город, пока отступничество Вулы не замечено. Я решил до поры до времени не переступать предписанных мне границ, ведь, если бы нас поймали, Вула был бы убит, а я (в лучшем случае) надежно заперт.

Вернувшись на площадь, я в третий раз имел случай взглянуть на пленницу. Она стояла со своими стражницами перед входом в приемный зал и при моем приближении отвернулась, смерив меня надменным взглядом. Это было сделано так по-женски, так по-земному, что я проникся еще большим чувством симпатии к девушке, хотя моя гордость была задета. Приятно встретить на Марсе цивилизованное существо.

Если бы зеленая марсианская женщина захотела выразить свое неудовольствие или пренебрежение, она, по всей вероятности, сделала бы это взмахом меча. Но их чувства так грубы, что тут понадобилось бы серьезное оскорбление. Правда, Сола была исключением. Я никогда не видел от нее жестокости или вообще недостатка в приветливости. Она действительно была, как говорил о ней один ее марсианский кавалер, прелестным напоминанием о предках, которые умели любить и быть любимыми.

Пленница была в центре внимания, и я остановился поглядеть, что будет дальше. Мне не пришлось долго ждать, потому что вскоре к зданию приблизился Лоркас Птомель со своей свитой. Он приказал страже следовать за ним вместе с пленницей и вошел в приемный зал.

Я был убежден, что воины не знают, насколько хорошо я владею марсианским языком, так как просил Солу держать это в тайне, мотивируя своей застенчивостью. К тому же я пользовался некоторыми привилегиями, поэтому рискнул войти в приемный зал и посмотреть, что там будет происходить.

Совет восседал на ступеньках эстрады, а перед ним внизу стояла пленница с двумя стражницами по бокам. В одной из женщин я узнал Саркойю и теперь понял, почему ей доверили такую «почетную» должность. Она обращалась с пленницей крайне резко и грубо. Держа ее, впивалась ногтями в тело бедной девушки или больно щипала ее за руку. Если нужно было перейти с одного места на другое, она бесцеремонно дергала пленницу или толкала ее перед собой. Саркойя словно вымещала на несчастном беззащитном создании всю ненависть, жестокость и злобу своих девятист лет, за которыми вставали бесчисленные поколения бездушных и свирепых предков.

Вторая женщина вела себя менее жестоко и казалась совершенно равнодушной. Предыдущей ночью, очевидно, пленница не страдала от грубого обращения, так как женщина вообще не обращала на нее никакого внимания.

Лоркас Птомель поднял глаза, заметил меня и с нетерпеливым жестом обратился к Тарсу Таркасу. Я не расслышал ответа, но правитель улыбнулся и больше не смотрел в мою сторону.

– Как тебя зовут? – обратился Лоркас Птомель к пленнице.

– Дея Торис, дочь Мориса Каяка из Гелиума.

– С какой целью вы путешествовали? – продолжал он.

– Это была чисто научная экспедиция, посланная моим отцом, джедаком Гелиума, для изучения воздушных течений и измерения плотности атмосферы, – ответила пленница низким приятным голосом. – Мы не собирались сражаться, о чем ясно говорили флаги наших кораблей. Наши исследования и в ваших интересах, вы отлично знаете, что на Барсуме не хватало бы воздуха для существования, если бы не наш труд. Веками мы поддерживали на планете необходимое для жизни количество воды и воздуха. Мы делали это, невзирая на ваше грубое и невежественное вмешательство. Почему вы не хотите жить в мире и дружбе с ближними? Неужели вы так и будете влачить жалкое существование вплоть до окончательного исчезновения, почти не поднявшись над уровнем развития животных, которые вам служат? Народ без письменности, без искусства, без культуры, без домашнего уюта, без любви! Вы ненавидите

друг друга, как ненавидите всех вокруг. Вернитесь на путь, которым шли наши общие предки, вернитесь к свету дружбы и добра. Дорога открыта, а мы готовы помочь вам. Вместе мы сможем сделать гораздо больше для возрождения нашей умирающей планеты. Я, дочь величайшего и могущественнейшего из красных джеддаков, призываю вас! Откликнетесь ли вы на мой зов?

Когда молодая женщина закончила речь, Лоркас Птомель и воины долго молчали. Я не знаю, что происходило в их душах, но уверен, что они были тронуты. Если бы кто-нибудь из них был достаточно смел, чтобы стать выше обычаев, эта минута стала бы началом новой, великолепной эры для Марса.

Тарс Таркас поднялся, желая говорить, и на лице его было необычное выражение. Оно говорило о напряженной внутренней борьбе, борьбе с наследственностью, с вечной привычкой к вражде. Его обычно мрачный взгляд вдруг сделался благожелательным, почти ласковым.

Но он ничего не успел сказать, так как в этот миг какой-то молодой воин сорвался со ступеней и ударил хрупкую пленницу по лицу. Она упала, а юноша, опершись на нее ногой, повернулся к совету и мрачно рассмеялся.

На миг я подумал, что Тарс Таркас убьет его, да и вид Лоркаса Птомеля не предвещал для него ничего хорошего, но их минутное настроение уже прошло. Изначальная натура взяла верх, и они улыбнулись, хотя и не рассмеялись громко, а ведь, с точки зрения марсиан, поступок воина был необычайно остроумен.

Сам я, разумеется, ни на секунду не оставался простым зрителем. У меня было какое-то предчувствие, потому что я напрягся для прыжка уже в тот миг, когда удар лишь грозил прекрасному, с мольбой обращенному к совету лицу. И, прежде чем опустилась рука, я уже преодолел половину расстояния.

Мерзавец еще смеялся, когда я бросился на него. Он был двенадцати футов ростом и вооружен до зубов, но меня охватила такая безумная ярость, что я готов был сразиться со всеми, кто находился в зале. Когда воин обернулся на мой крик, я ударил его по лицу. Он выхватил короткий меч, я выхватил свой и прыгнул ему на грудь, встав одной ногой на рукоятку его пистолета и ухватившись левой рукой за один из его огромных клыков. При этом мечом я наносил удар за ударом по его широкой груди.

Марсианин не имел возможности воспользоваться своим мечом, так как я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и пытался сделать это, вопреки марсианскому обычаю, запрещающему защищаться тем видом оружия, каким не владеет противник. Все его отчаянные старания стряхнуть меня ни к чему не привели. Несмотря на свой огромный рост, он оказался побежден и через несколько мгновений рухнул на пол безжизненной окровавленной массой!

Дея Торис приподнялась на локте и испуганно наблюдала за поединком. Я наклонился к ней, взял ее на руки и отнес на одну из скамеек у стены зала.

Никто из марсиан не остановил меня. Оторвав лоскут шелка от своего плаща, я попытался унять кровь, лившуюся у нее из носа, и вскоре мне это удалось. Как только к девушке вернулась способность речи, она положила руку мне на плечо и сказала, глядя прямо в глаза:

– Почему вы это сделали? Вы отказали мне в простом внимании в первую минуту нашей встречи! А теперь рискуете своей жизнью и убиваете ради меня одного из ваших людей. Я этого не понимаю. Что вы за странный человек, почему живете с зелеными, хотя с виду принадлежите к моей расе, а цвет вашего лица лишь немного темнее цвета белых обезьян? Скажите мне, кто вы?

– Это странная история, – отвечал я, – и слишком длинная, чтобы сейчас ее рассказывать. Она самому мне представляется столь невероятной, что вряд ли ей поверят другие. Пока могу лишь сказать, что я ваш друг, защитник и слуга, если это допустят мои враги.

– Значит, и вы пленник? Но почему же у вас оружие и регалии таркианского вождя? Как вас зовут? Откуда вы?

– Да, Дея Торис, я тоже пленник. Меня зовут Джон Картер, родом я из штата Виргиния, Соединенные Штаты Америки – это на Земле. Я не знаю, почему мне разрешено носить оружие, а что это эмблемы вождя – даже не подозревал.

Наш разговор был прерван приближением одного из воинов, который нес оружие, амуницию и украшения, и одна из загадок была решена. Это были вещи моего мертвого противника, а во взгляде воина я прочел ту же сдержанную почтительность, какую раньше проявлял другой воин, вручивший мое первоначальное обмундирование. Теперь только я понял, что во время первого столкновения в приемном зале убил моего противника.

Отношение ко мне моих хозяев теперь объяснилось. Жестокие марсиане обладали своеобразной суровой справедливостью (что позволяет назвать Марс планетой парадоксов). Я победил в бою – мне полагались почести, амуниция и статус убитого врага. Я был настоящим марсианским вождем, именно этим объяснялась та сравнительная свобода, которой я располагал, и привилегия присутствовать на совете.

Когда я принял вещи убитого воина, Тарс Таркас и многие другие направились к нам. Глаза Тарса Таркаса с забавным недоумением разглядывали меня. Наконец он обратился ко мне:

– Вы говорите на языке Барсума удивительно хорошо для человека, который лишь недавно попал к нам. Где вы изучили его, Джон Картер?

– Вы сами, Тарс Таркас, дали мне эту возможность, приставив ко мне талантливую учительницу. Своими успехами я обязан Соле.

– Это она ловко сделала, но в остальном ваше воспитание оставляет желать лучшего. Ваши поступки неслыханно дерзки. Знаете, что случилось бы, если б вам не удалось убить вождей, чьи знаки теперь красуются на вашем теле?

– Полагаю, сам был бы убит, – улыбнулся я.

– Нет. Мы убиваем пленников только при самообороне. А так предпочитаем сохранять их... для других целей, – ответил Таркас, намекая на неопределенные, но явно весьма серьезные перспективы.

– Одно еще может спасти вас, – продолжил он, – если Тал Хаджус за вашу удивительную смелость, ловкость и решительность возьмет вас на службу. Тогда вас примут в общину и вы станете полноправным таркианцем. Воля Лоркаса Птомеля такова: мы направляемся к резиденции Тала Хаджуса, пока вам будут оказываться почести, принадлежащие вам по праву ваших подвигов. Мы будем обращаться с вами как с таркианским вождем. Но знайте, что мы доставим вас к нашему могущественнейшему и жесточайшему повелителю, хотите вы того или нет. Я закончил.

– Я выслушал вас, Тарс Таркас, – ответил я. – Вы знаете, что я не барсумец. Ваши пути – это не мои пути, поэтому действовать я буду только в согласии с собственными принципами. Не задевайте их – и я никого не трону, заденете – пеняйте на себя. Каждый барсумец должен уважать мои права чужестранца. В одном можете быть уверены: всякий, кто посмеет обидеть или оскорбить эту девушку, будет иметь дело со мной. Мне известно, что вы презираете благородство и великодушие, но я не могу сказать этого о себе. И знайте, что эти качества вполне совместимы с достоинствами настоящего воина, это я готов доказать в бою.

Тарсу Таркасу, по-видимому, понравился мой ответ, хотя он отозвался на него довольно загадочной фразой:

– А я думаю, что хорошо знаю Тала Хаджуса, джедака Тарка.

Закончив разговор, я помог Дее Торис встать на ноги, и мы направились к выходу под растерянными взглядами вождей и стражниц. Теперь я сам был таким же вождем и был готов отвечать за свои поступки. Никто не остановил нас, и вот Дея Торис, принцесса Гелиума, и Джон Картер, джентльмен из Виргинии, в сопровождении верного Вулы, при гробовом молчании вышли из приемного зала Лоркаса Птомеля, джеда барсумских тарков.

11. Дея Торис

Когда мы вышли наружу, обе стражницы, приставленные к Дее Торис, выскочили за нами, намереваясь конвоировать ее. Бедняжка прижалась ко мне, обняв хрупкими руками. Я велел женщинам удалиться, сказав, что отныне за пленницей будет смотреть Сола. При этом я предупредил Саркойю, что она поплатится самым жестоким образом, если позволит себе какие-нибудь выходки по отношению к Дее.

Моя угроза причинила Дее Торис больше вреда, чем пользы. К тому же впоследствии я узнал, что на Марсе мужчина не может лишить жизни женщину, равно как и наоборот. Саркойя ограничилась злобным взглядом и удалилась с намерением мстить.

Вскоре я нашел Солу и попросил ее сторожить Дею Торис так же, как она сторожила меня, и подыскать другое жилище, где бы им не пришлось бояться Саркойи. Сам я решил поселиться среди мужчин.

Сола взглянула на воинские знаки, которыми я был награжден.

– Теперь вы великий вождь, Джон Картер, – сказала она, – и я рада это видеть. Воин, чьи знаки надеты на тебе, был молод, но это был славный боец. В нашей общине он занимал высокое положение, следуя за Тарсом Таркасом, который, как вы знаете, уступает лишь Лоркасу Птомелю. Вы – одиннадцатый, а всего в общине десять вождей, доблестью равных вам.

– А если я убью Лоркаса Птомеля? – спросил я.

– Тогда вы будете первым. Но вы можете добиться этой чести лишь в том случае, если ваш поединок будет назначен волей всего совета. Или если Лоркас Птомель нападет на вас – это будет считаться самозащитой.

Я рассмеялся и переменял тему разговора. У меня не было особого желания убивать Лоркаса, и меньше всего я хотел бы стать джедом тарков.

Квартиру для Сола и Деи Торис удалось найти в здании более изысканном и расположенном ближе к центру, чем наше прежнее жилище. Здесь были настоящие спальни со старинными металлическими кроватями тонкой чеканной работы, с пологими, спускавшимися на гигантских золотых цепях с мраморных потолков. Стены украшены картинами, на которых заметил изображения людей, чего не встречал раньше.

Это были люди, такие же, как я, и гораздо светлее Деи Торис. Они были облачены в величественно ниспадавшие одежды, богато украшенные драгоценностями. Их пышные волосы имели чудный золотистый или бронзово-красный оттенок.

Мужчины не носили бороды, и лишь немногие из них были вооружены. На картинах был изображен белокожий светловолосый народ, занятый большей частью какими-то играми.

Дея Торис с восторженным восклицанием всплеснула руками при виде этих прекрасных произведений искусства, созданных давно угасшим народом. Сола же, напротив, их как будто не замечала.

Эту комнату, находившуюся на втором этаже и выходившую на площадь, мы решили отвести Дее Торис, а смежную оставить для кухонных и хозяйственных надобностей. Я отправил Солу за постелями, едой и другими необходимыми вещами, пообещав ей посторожить Дею до ее прихода.

Когда Сола ушла, девушка с милой улыбкой обратилась ко мне:

– Куда же убежала бы ваша пленница, если бы вы покинули ее? Ей оставалось бы только молить вас о защите и просить прощения за ту неприязнь, которую она питала к вам в последние дни.

– Вы правы, – ответил я, – чтобы спастись, мы должны быть вместе.

– Я слышала вызов, брошенный вами этому ужасному Тарсу Таркасу, и я понимаю ваше положение среди этих существ. Но я никак не могу поверить, что вы сами не с Барсума. Во

имя моего первого предка, скажите, откуда же вы? Вы и похожи и не похожи на людей моего народа. Вы говорите на моем языке, а между тем сказали Тарсу Таркасу, что изучили этот язык буквально в последние дни. Все барсумцы от покрытого льдами юга до покрытого льдами севера говорят на одном и том же языке, хотя пишут различно. Лишь в долине Дор, где река Исс вливается в потерянное море Корус, существуют люди, говорящие по-другому. Но если не считать сказаний наших предков, то ни один барсумец, пройдя путь вверх по реке Исс, не вернулся назад. Не говорите мне, что вы пришли оттуда! Тогда вас немедленно убили бы, где бы вы ни показались на Барсуме! Скажите мне, что это не так!

В ее глазах появился странный блеск, в голосе звучали умоляющие нотки, а изящные руки доверчиво прижимались к моей груди, как будто желая исторгнуть из моего сердца успокоительные слова.

– Я не знаю ваших обычаев, Дея Торис, но у нас в Виргинии джентльмен не станет лгать для своего спасения. Я никогда не видел загадочной реки Исс, и потерянное море Корус останется для меня потерянным. Вы верите мне?

И вдруг я заметил, что мне очень и очень хочется, чтобы она мне поверила. В чем дело? Почему меня так волновало, что она подумает? Я взглянул на ее прекрасное лицо, обращенное ко мне, в ее глазах раскрылась вся глубина души. Я понял – и содрогнулся.

Волна подобных чувств, казалось, обуревала и ее. Она со вздохом отодвинулась от меня и серьезно прошептала:

– Я верю вам, Джон Картер. Я не знаю, что значит «джентльмен», и никогда раньше не слышала про Виргинию. Но на Барсуме не лжет никто. Если человек не хочет сказать правду, он молчит. Где эта Виргиния, где ваша родина, Джон? – спросила она, и гордое имя моей страны никогда еще не звучало так прекрасно, как из этих совершенных уст в давно минувший день.

– Я из другого мира, – ответил я, – с великой планеты Земля. Она обращается вокруг Солнца, как и Барсум, который мы называем Марсом. Как я попал сюда – этого я и сам не понимаю. Но я здесь и рад, что мое присутствие может быть полезно Дее Торис.

Она долго и вопросительно смотрела на меня опечаленными глазами. Я хорошо знал, что поверить моим словам трудно, и не надеялся, что она поверит. Я не хотел говорить с ней о моем прошлом, как ни жаждал я приобрести ее доверие и уважение. Но как трудно было отказать этим молящим глазам в малейшем желании.

Наконец она улыбнулась и сказала, вставая:

– Мне придется поверить, хотя я и не понимаю. Я могу представить себе, что вы не принадлежите к современному Барсуму. Вы такой же, как мы, и в то же время другой... Но зачем ломать голову над загадкой: я верю вам, потому что хочу верить!

В этом была логика – настоящая, земная женская логика, и не мне придирааться к ней. В сущности, это была единственно правильная точка зрения в данном случае. Наш разговор перешел на общие темы, и с обеих сторон посыпались вопросы. Она расспрашивала об обычаях моего народа и высказала удивительное знание земной истории. На мой удивленный вопрос она рассмеялась и воскликнула:

– О! Каждый барсумский школьник знает географию Земли, осведомлен о фауне и флоре, а также об истории вашей планеты. Разве мы не можем видеть все происходящее на вашей Земле, как вы ее называете? Разве не висит она на небе на виду у всех?

Должен признаться, что ее слова поразили меня не меньше, чем мои заявления должны были ошеломить ее. Я ей это и сказал. В общих чертах она объяснила мне устройство приборов, передающих точное изображение происходящего на любой планете и многих звездах. Эти изображения, сфотографированные и увеличенные, так точны в деталях, что на них легко различать предметы не крупнее стебелька травы. Позже я увидел в Гелиуме много таких снимков и сами приборы.

– Если вы так хорошо знакомы с Землей, – спросил я, – почему же вам трудно поверить, что я оттуда?

Она снова улыбнулась, как взрослый снисходительно улыбается невинным вопросам ребенка:

– Потому, Джон Картер, – сказала она, – что на планетах со схожими атмосферными условиями, как Земля и Барсум, и живые существа схожи. Но земляне покрывают свое тело странными безобразными кусками тканей, а головы – столь же безобразными колпаками. Мы никогда не могли понять причину этого. Вы же, когда вас нашли таркианские воины, были обнажены, хотя и безо всяких украшений. То, что на вас не было украшений, – сильный довод в пользу вашего небарсумского происхождения, но отсутствие нелепых покровов указывает на то, что вы не землянин.

Тогда я рассказал ей подробности моего отбытия с Земли и объяснил, что полностью был одет в столь непонятные ей нелепые покровы.

В эту минуту вернулась Сола с нашими скудными пожитками и со своим молодым марсианским протеже, которому, конечно, предстояло разделить с ними квартиру.

Сола спросила, не заходил ли к нам кто-нибудь, и была удивлена нашим отрицательным ответом. Оказалось, что она встретила спускающуюся по нашей лестнице Саркойю. Очевидно, та подслушивала, но ничего особенного мы не говорили и не придали этому особого значения, только лишь решили в будущем быть как можно осторожнее.

После этого мы с Деей Торис занялись осмотром прекрасных комнат. Она рассказала, что этот народ процветал около сотни тысяч лет назад. Это были прародители ее расы, но они смешались с двумя другими народами: темными, почти черными, и с красно-желтой расой.

Эти три могучие ветви высших марсиан вступили в тесный союз, когда марсианские моря стали высыхать. Они вынуждены были отступать в непрерывно сокращающиеся плодородные области, где подвергались нападениям диких зеленых орд.

Века тесных отношений и перекрестных браков дали в результате расу красных людей, прекрасной представительницей которой являлась Дея Торис. За время многовековых лишений и непрерывных войн (и против зеленых, и между собой) погибло многое из высокой цивилизации светловолосых марсиан. Но современная красная раса достигла таких высот развития, что новые открытия и достижения культуры с лихвой возместили утрату.

Эти древние марсиане были расой высоко цивилизованной, но превратности столетий, когда им приходилось приспосабливаться к новым тяжелым условиям, не только совершенно остановили их развитие, но привели к почти полной потере всех архивов, летописей, литературных памятников.

Дея Торис рассказала много интересных фактов и легенд. Она поведала, что этот приморский город был в древности торговым и культурным центром, известным под названием Корада. Прекрасная естественная гавань защищалась с суши красивыми холмами. Все, что осталось от нее, – маленькая долина в западной части современного города. А проход через холмы к бывшему морскому дну был раньше каналом, по которому суда доходили до самых городских ворот.

Берега древних морей были усеяны подобными городами. Несколько небольших городов и сейчас еще можно найти в центре моря, куда жители отступали по мере убывания воды. Но последним средством спасения стали так называемые каналы Марса.

Мы были так поглощены осмотром здания и разговором, что не заметили, как наступил вечер. Нас вернуло к действительности появление посланца, принесшего мне от Лоркаса Птомеля приказ немедленно явиться к нему. Я простился с Деей Торис и Солой, приказал Вуле охранять их и поспешил в приемный зал. Там меня уже ждали Лоркас Птомель и Тарс Таркас.

12. Пленник, облеченный властью

Когда я вошел и поклонился, Лоркас Птомель велел мне приблизиться, устремил на меня свои ужасные глаза и сказал:

– Вы провели у нас несколько дней и своей смелостью успели уже достигнуть высокого положения. Но все равно вы – чужой. И странное дело: вы пленник – и тем не менее отдаете приказы. Вы чужестранец – и в то же время таркианский вождь. Вы карлик – а между тем убиваете сильного воина одним ударом кулака. А теперь доносят, что вы готовите побег с пленницей другой расы – с пленницей, которая, по ее же словам, почти убеждена в том, что вы возвратились из долины Дор. Каждого из этих обвинений было бы достаточно для вашей казни, но мы – справедливый народ и после возвращения в Тарк дадим вам случай оправдаться на суде, если только этого пожелает Тал Хаджус. Однако, – продолжал он своим мрачным гортанным голосом, – если вы сбежите с красной девушкой, отвечать перед Талом Хаджусом придется мне. Возникнет вопрос о старшинстве между мной и Тарсом Таркасом. Я должен буду доказать свое право повелевать, или знаки вождя перейдут с моего трупа к нему – таков обычай тарков. Между мной и Тарсом Таркасом нет ссор. Мы правим совместно и не хотим биться друг с другом. Поэтому я был бы рад, Джон Картер, если бы вы умерли. Но без приказанья Тала Хаджуса мы можем убить вас только в двух случаях: если вы нападете на одного из нас или попытаетесь бежать. В интересах справедливости я должен предупредить вас, что мы только этого и ждем, чтобы освободиться от столь тяжелой ответственности. Для нас чрезвычайно важно доставить красную девушку к Талу Хаджусу. Целое тысячелетие тарки не имели такой добычи. Она – внучка величайшего из красных джедаков и нашего непримиримейшего врага. Красная девушка сказала, что нам недоступны добрые чувства, но мы – народ прямой и справедливый. Вы можете идти. Я закончил.

Я повернулся и покинул приемный зал. Так вот начало преследований Саркойи! Теперь я припомнил те отрывки разговора с Деей Торис, которые касались предполагаемого бегства и моего происхождения. Как быстро донос достиг ушей Лоркаса Птомеля! Саркойя была старшей и доверенной прислужницей Тарса Таркаса. Это давало ей большую власть и возможность интриговать, так как Таркас был правой рукой Лоркаса Птомеля.

Однако я не только не испугался предупреждения правителя, а, наоборот, сосредоточил на побеге все мысли. Это был единственный выход для Деи, иначе в резиденции Тала Хаджуса ее ожидает ужасная судьба.

Сола описывала это чудовище как олицетворение жестокости и варварства минувших веков. Холодный, коварный, расчетливый, он был рабом своей похоти, почти умершей в нынешних марсианах (медленное угасание планеты давно уже умерило инстинкт размножения).

Меня бросало в дрожь при мысли о том, что Дея Торис может стать жертвой этого мерзкого существа. Мои бывшие соотечественницы предпочитали расстаться с жизнью, нежели попасть в руки насильников.

Я бродил по площади, охваченный мрачными предчувствиями, когда ко мне подошел Тарс Таркас. Его поведение внешне ничуть не изменилось, и он приветствовал меня, как будто и не было только что тяжелого откровенного разговора.

– Где вы живете, Джон? – спросил он.

– Я еще не выбрал себе квартиры, – ответил я. – Мне кажется, что лучше всего поселиться одному или среди других воинов, посоветуйте – где. Как вы знаете, – я улыбнулся, – я еще вчера вполне освоился с обычаями тарков.

– Пойдемте со мной, – сказал Таркас, и мы направились к зданию, которое как раз примыкало к тому, где помещалась Дея и ее стража.

– Я живу на первом этаже, – сообщил он, – второй занят воинами, но остальные, начиная с третьего, свободны. У вас будет большой выбор. Я слышал, что вы уступили Солу красной пленнице. Ну что ж, как вы сами сказали, ваши пути – не наши пути, если вы отдадите вашу служанку пленной – это ваше дело. Но как вождь вы имеете право на привилегии и можете выбрать любую женщину из штата тех вождей, чьи знаки вы теперь носите.

Я мог отлично обойтись без посторонних услуг, за исключением стряпни. Таркас обещал прислать женщину, которая готовила бы мне, а также смотрела за моим оружием и амуницией. Я поблагодарил и попросил еще шелковые и меховые одеяла, доставшиеся мне по праву победителя. Ночи стояли холодные, а своих одеял у меня не было.

Он обещал исполнить эту просьбу и ушел. Оставшись один, я поднялся по винтовой лестнице на верхние этажи и стал подыскивать подходящую комнату. Дом был так же великолепен, как предыдущие, и я вскоре опять увлекся исследованиями.

В конце концов я выбрал третий этаж, так как это приближало меня к Дее Торис, жившей на втором этаже соседнего здания. Можно будет придумать, как она сможет в случае необходимости срочно вызвать меня.

В моей квартире кроме спальни были ванная, гардеробная и еще несколько комнат. Окна выходили на огромный двор, располагавшийся внутри квартала.

Многочисленные фонтаны, статуи, скамьи и беседки говорили о былой красоте двора, но сейчас здесь бродили лишь животные воинов. Я мог представить, как когда-то в тени деревьев гуляли грациозные женщины и сильные мужчины, а на солнце резвились дети. Но золотую эпоху сменили века мрака, жестокости и невежества. Непреклонные космические законы изгнали золотоволосых создателей этого города не только из их жилищ, но и вообще из жизни, оставив им единственное убежище в легендах потомков.

Мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин. Они принесли оружие, драгоценности, меха, провизию и многое другое, что некогда принадлежало двум убитым мною вождям. Оставив вещи в одной из комнат, они ушли, но вскоре вернулись с новым грузом и сообщили, что все это моя собственность. За ними следовало не менее пятнадцати других женщин и юношей, вероятно, составлявших свиту обоих вождей.

Надо сказать, что между марсианскими вождями и их свитой существуют очень своеобразные отношения, которые трудно понять землянам. Это не родные, не жены, не слуги.

У марсианина мало личных вещей: это оружие, украшения, шелковые и меховые одеяла лишние вещи передаются, по мере надобности, младшим членам общины. Женщин и детей из свиты вождя можно сравнить с вещью, за которую он несет ответственность в смысле обучения, военной дисциплины и содержания. Женщин вождя никоим образом нельзя назвать его женами. У зеленых марсиан вообще нет такого понятия, так как в половом вопросе они руководствуются лишь интересами общины. Совет вождей управляет этим процессом так же, как собственник какого-нибудь конного завода в Кентукки руководствуется научными законами спаривания для улучшения породы своих лошадей. Теоретически такой подход может казаться разумным, но его многовековое применение и породило этих холодных, жестоких созданий, лишив их любви. Зеленых марсиан можно назвать «безукоризненно добродетельными» (за исключением выроdkов типа Тала Хаджуса), но лучше бы они были менее целомудренными.

Итак, я должен был принять на себя ответственность за всю эту компанию, хочу я этого или нет. Расквартировав их на верхних этажах, я поручил одной из девушек вести мою несложную кухню, а остальным предложил заняться своими делами. После этого я мало их видел, да и не стремился к этому.

13. Ухаживание на Марсе

После битвы с воздушными кораблями община еще несколько дней откладывала обратный поход, чтобы удостовериться, что корабли не вернуться. Даже столь воинственный народ, как зеленые марсиане, опасался оказаться захваченным врасплох посреди открытой равнины с табором повозок и детей.

Во время вынужденного бездействия Тарс Таркас познакомил меня со многими военными обычаями и приемами тарков, научил ездить на марсианских «лошадях». Эти животные – их называют *тоты* – так же опасны и злы, как и их хозяева, но их возможно укротить.

Пара таких животных досталась мне от убитых вождей, и вскоре я уже умел обращаться с ними не хуже здешних воинов. Это было несложно: при неповиновении они получали здоровенный удар рукояткой пистолета между ушей. Если этого оказывалось мало, то удары повторялись до тех пор, пока животное не будет укрощено. Возможен был и другой вариант: «конь» сбрасывал седока. В последнем случае между всадником и тотом начиналась схватка не на жизнь, а на смерть. Если воин оказывался достаточно ловким и метко стрелял, он оставался жив и снова ездил верхом, правда, уже на другом тоте. Если же он был неповоротлив, то женщины подбирали его истерзанное тело и сжигали согласно таркианскому обычаю.

Я попытался взять тотов ласковым обращением, памятуя опыт с Вулой. Первым делом я доказал им, что сбросить меня не удастся, и даже несколько раз изрядно хватил меж ушей, показывая свою власть и превосходство. Затем я постепенно приобретал их доверие, действуя так же, как с земными скакунами. Я всегда был в дружбе с животными: мягкое обращение дает лучшие результаты, да и просто они мне симпатичны. В случае необходимости я убью человека с гораздо меньшими угрызениями совести, чем неразумное, безответное животное.

Через несколько дней вся община удивлялась моим тотам. Они ходили за мной, как собаки, терлись о меня своими большими мордами, выражая этим полное доверие, и беспрекословно слушались малейшего приказа. Марсиане даже стали приписывать мне какую-то особую магическую силу.

– Чем вы околдовали их? – спросил Тарс Таркас, когда я просунул руку в огромную пасть животного, у которого во время выпаса застрял в зубах камешек.

– Лаской, – ответил я. – Вы видите, Таркас: более мягкие чувства тоже бывают иногда полезны, даже для воина. Я всегда могу быть уверен, что мои тоты мне послушны, и это повышает мой боевой дух. Я добрый человек и потому славный воин. Всеобщине было бы полезно усвоить мои приемы. Ведь несколько дней назад вы сами рассказывали мне, как часто эти животные становились причиной поражения в бою. В решающий миг, когда победа уже близка, они вдруг бунтовали и сбрасывали своих седоков.

– Покажите мне, как вы этого добиваетесь, – был ответ.

Я продемонстрировал свой способ тренировки тотов. Затем Таркас заставил меня повторить показ в присутствии Лоркаса Птомеля и собравшихся в полном составе воинов.

Этот момент положил начало новой жизни для бедных животных. Метод ласкового обращения был принят. Позже я любовался целым эскадронам послушных, отлично вымуштрованных тотов. Эффект точности и быстроты, достигнутый при этом, оказался настолько разительным, что Лоркас Птомель поднес мне массивный золотой браслет с собственной ноги в знак признания моих заслуг перед общиной.

На седьмой день после битвы с воздушными кораблями мы снова выступили в поход по направлению к Тарку, так как возможность нападения казалась Лоркасу Птомелю маловероятной.

Перед отъездом я мало виделся с Деей Торис, будучи занят изучением марсианского военного искусства и тренировкой тотов. К тому же она редко бывала дома, любила бродить

с Солой по городу и осматривать различные здания. Я предупреждал, чтобы они не отходили далеко от площади, имея в виду опасность встречи с большими белыми обезьянами, свирепость которых испытал на себе. Однако беспокоиться вряд ли стоило, так как Сола была хорошо вооружена, а Вула сопровождал их.

Вечером накануне отъезда я встретил их на длинной улице, ведущей на площадь, где уже стояли повозки. Я сказал Соле, что беру ответственность за сохранность Деи на себя, и под каким-то предлогом отослал ее. Я вполне доверял этой женщине, но почему-то мне хотелось остаться наедине с Деей Торис, олицетворявшей для меня симпатию и дружбу, которых я был лишен на Марсе. У нас было столько общих интересов, как будто мы родились под одной кровлей, а не на разных планетах, мчавшихся в пространстве на расстоянии не менее сорока восьми миллионов миль друг от друга.

Я был уверен, что она чувствует то же, что и я, ведь при моем приближении ее лицо менялось. Вместо растерянности и грусти приходила радостная улыбка, и Дея приветствовала меня по-марсиански, положив правую руку мне на плечо.

– Саркойя сказала Соле, что вы сделали настоящим тарком, – сказала она, – и что я буду видеть вас теперь так же редко, как и любого другого воина.

– Саркойя первостатейная лгунья, – ответил я, – хоть тарки так и гордятся своей безупречной правдивостью.

Дея Торис рассмеялась:

– Я знаю, что вы останетесь моим другом, даже став членом общины. «Воин может сменить знаки отличия, но не свое сердце» – так гласит марсианская пословица... Мне кажется, они пытались разлучить нас, – продолжала она. – Когда вы бывали не заняты, кто-нибудь из женщин Тарса Таркаса под любым предлогом уводил Солу и меня. Они звали нас в подвалы, где я должна была помогать им смешивать этот ужасный радиевый порошок и изготавливать снаряды. Вы знаете: эти работы должны проводиться при искусственном свете, так как солнечный вызывает взрыв. Вы заметили, что их пули взрываются, ударяя в какой-либо предмет? Ну так вот, наружная непрозрачная оболочка от толчка пробивается и обнажает стеклянный цилиндрок, почти сплошной и снабженный на переднем конце крупницей радиевого пороха. В тот миг, когда солнечный свет, хотя бы рассеянный, коснется этого пороха, он взрывается с силой, которой ничто не может противостоять. Если вам случится присутствовать при ночном сражении, вы заметите отсутствие этих взрывов, зато при восходе солнца все поле будет грохотать от взрывов снарядов, выпущенных ночью. Поэтому, как правило, ночью не применяют разрывных пуль.

Я слушал рассказ Деи Торис об этой особенности марсианского военного дела, но мои мысли были заняты более насущным вопросом о ее судьбе. Меня не удивило, что они прятали ее от меня, но, узнав о ее тяжелой и опасной работе, я рассердился.

– Какие же еще оскорбления вы терпели? – спросил я, почувствовав, как закипает горячая кровь моих предков.

– Я выше их оскорблений. Им известно, что я потомок десяти тысяч джедаков и могу проследить свою родословную до строителя первого великого канала. Они же не знают даже собственных матерей и завидуют мне. В глубине души они ненавидят свою ужасную жизнь и срывают злобу на мне, сознавая, что я владею всем тем, чего они лишены. Они достойны нашей жалости, мой вождь, потому что мы выше их, даже если умрем от их рук.

Если бы я знал тогда значение обращения «мой вождь» от меднокожей марсианской женщины, то был бы несказанно поражен. Да, многое мне было суждено еще узнать на Барсуме!

– Мудрость велит встречать судьбу с достоинством, Дея. Но я думаю добиться того, чтобы ни один марсианин, будь он зеленый, желтый, розовый или фиолетовый, не посмел бы даже косо взглянуть на вас, моя принцесса!

У Деи Торис при моих последних словах перехватило дыхание, она взглянула на меня широко раскрытыми глазами, потом странно рассмеялась, причем на ее щеках появились две коварные ямочки, покачала головой и воскликнула:

– Какое дитя! Великий воин – и все-таки малое, неразумное дитя!

– Что я такого сказал? – спросил я, оторопев.

– Когда-нибудь вы узнаете, Джон Картер, если только мы останемся в живых. И я, дочь Мориса Каяка, сына Тардоса Мориса, слушала вас без гнева, – закончила она.

Затем снова начала шутить и смеяться, подтрунивая над моим положением таркианского воина, которое так противоречило моему характеру.

– Мне кажется, – сказала она со смехом, – что, если вам придется ранить врага, вы возьмете его к себе и будете лечить.

– На Земле мы именно так и поступаем, – ответил я. – По крайней мере, среди цивилизованных людей.

Это заставило ее снова рассмеяться. Она была все-таки марсианкой, несмотря на всю свою доброту и женственность, а марсианин стремится к смерти врага. Смерть врага означает дележ его имущества между живыми.

Мне все еще очень любопытно было узнать, что так смутило ее в моих словах минуту назад, и я продолжал настаивать.

– Нет! – воскликнула она. – Хватит того, что вы это сказали, а я слушала. И если вы узнаете, Джон Картер, что я умерла, а это, вероятно, случится раньше, чем дальняя луна двенадцать раз обойдет вокруг Барсума, то вспомните, что я вас слушала и улыбалась.

Все это было для меня сущей китайской грамотой, но чем больше я настаивал, тем решительнее она отказывалась.

Тем временем день уступил место ночи. Мы гуляли по длинной улице, освещенной двумя лунами Барсума, и Земля глядела на нас с высоты своим светящимся глазом. Мне казалось, что мы одни во всей Вселенной, и эта мысль была приятна.

Было холодно, и я набросил на плечи Дее Торис мое шелковое покрывало, слегка обняв ее при этом. Какое я почувствовал смятение! И она слегка прижалась ко мне, хотя я не был уверен в этом. Я только знал, что моя рука задержалась на ее плече дольше, чем это было нужно, чтобы накинуть покрывало.

Так, в молчании, мы шли по поверхности умирающего мира, но я ощущал себя вечным. Я любил Дею Торис. Прикосновение к ее обнаженному плечу ясно объяснило мне, что я любил ее с первого же мгновения, как мой взгляд упал на нее на площади мертвого Корада.

14. Борьба насмерть

Первым движением души было высказать ей мою любовь, но потом я подумал о ее беспомощном, зависимом от меня положении. Только я мог облегчить ей тяготы плена и попытаться спасти от гибели. В Тарке она столкнется с тысячами врагов, ненавидящих ее род. Я боялся доставить ей лишнее огорчение, сказав о чувстве, которое она, по всей вероятности, не разделяла. Если Дея заподозрит, что я хочу воспользоваться ее беспомощностью... Я промолчал.

Стало еще холоднее.

– Вам, Дея, вероятно, хочется вернуться к Соле, в вашу повозку?

– Нет, – прошептала она. – Я счастлива здесь. Я сама не понимаю, отчего мне всегда хорошо, когда вы, Джон, рядом. Тогда мне кажется, что я в безопасности, что скоро буду при дворе моего отца, почувствую его объятия и поцелуи матери на моих щеках.

– Разве барсумцы целуются? – спросил я.

– Целуются родные, братья, сестры и... любящие, – она добавила это слово задумчиво и тихо.

– А у вас, Дея, есть родные, братья, сестры?

– Да.

– А возлюбленный?

Она молчала, и я не решился повторить вопрос.

– Барсумцы, – произнесла Дея наконец, – никогда не задают таких прямых вопросов женщинам, за исключением матери или той, за которую они сражались и которую добыли в бою.

– Но ведь я сражался, – тут я замолк и пожалел, что мне никто не отрезал язык.

В это самое мгновение она поднялась, скинула с плеч мою накидку, подала мне и молча удалилась походкой королевы по направлению к своей повозке.

Я не посмел провожать Дею, только проследил глазами, что она невредимой вернулась к себе, и приказал Вуле сторожить ее. Расстроенный, я вернулся в собственную повозку и несколько часов мрачно просидел, скрестив ноги на своих шелках, погруженный в думы о превратностях судьбы.

Так вот она, любовь! Она не приходила в течение долгих лет, когда я колесил по всем частям света. А женщины были красивы, и судьба дарилась возможности. Я искал свою любовь на Земле – мне суждено было полюбить, безумно и безнадежно, существо из другого мира. Женщину, которая вылупилась из яйца и чья жизнь длится добрую тысячу лет. Ее помыслы, радости, понятия о чести столь же отличны от моих, как от понятий зеленых марсиан.

Да, я был безумцем, но я был влюблен. Это было мучительно, но я не хотел бы, чтобы все сложилось иначе, даже за все богатства барсумцев. Такова любовь и таковы влюбленные везде – и на Земле, и на Марсе.

Для меня Дея Торис была воплощенным совершенством – олицетворением одухотворенности, красоты, доброты и благородства. Я чувствовал так в ту ночь в Кораде, когда я сидел, поджав ноги, на шелках, а меньшая луна Барсума быстро склонялась к востоку, отражаясь в мраморе, золоте и драгоценных камнях мозаики моей древней как мир комнаты. Я чувствую так и сейчас, когда сижу за письменным столом в доме над Гудзоном. Прошло двадцать лет: десять из них я боролся за Дею Торис и ее народ, а другие десять протекли под знаком памяти о ней.

Утро, когда мы выступили в Тарк, было ясным и теплым. Так всегда на Марсе, кроме тех шести недель, когда на полюсах тает снег.

Я нашел Дею в веренице отъезжающих повозок. Она повернулась ко мне спиной, но видно было, как краска залила ее щеки. С глупой неосмотрительностью влюбленного я сделал вид, что спокоен, вместо того чтобы попытаться узнать, чем же я ее оскорбил.

Я хотел удостовериться, что ее удобно устроили, и вошел в повозку поправить меха. Здесь гневу моему не было предела: Дея была прикована к стенке повозки.

– Что это значит? – вскричал я, обращаясь к Соле.

– Саркойя решила, что так будет лучше, – ответила та, но лицо ее выражало полное несогласие с этой ненужной жестокостью.

Осмотрев цепь, я увидел, что она кончается массивным замком.

– Сола, где ключ? Дай мне его.

– Ключ у Саркойи.

Ни слова не говоря, я вышел и разыскал Тарса Таркаса, которому стал доказывать бессмысленность такого оскорбления и жестокости.

– Джон Картер, – отвечал он, – мы понимаем, что во время нынешнего путешествия вы можете попытаться бежать, но вы не уйдете без Деи Торис. Вас – великого бойца – мы не хотим заковывать, тем более что мы можем удержать вас обоих куда более легким путем. Я сказал.

Это было логично, и бесполезно разубеждать его. Я только попросил, чтобы ключ от замка был не у Саркойи и ей приказали оставлять пленницу одну.

– Вы, Тарс Таркас, можете сделать это для меня, поскольку я испытываю к вам самые искренние дружеские чувства.

– Дружеские чувства? – повторил он. – Не верю, но пусть будет по-вашему. Я распоряжусь, чтобы Саркойя не досаждала девушке, и возьму ключ себе.

– Если только вы не согласитесь, чтобы я взял ответственность на себя, – сказал я, смеясь. Раньше, чем ответить, он поглядел на меня пристально и долго.

– Если вы дадите мне слово, что ни вы, ни Дея Торис не попытаетесь бежать прежде, чем мы благополучно доберемся до владений Тала Хаджуса, я отдам вам ключ, а цепь брошу в реку Исс.

– Тогда пусть лучше ключ останется у вас, Тарс.

Вождь улыбнулся и не ответил, но в эту же ночь я видел, как он собственноручно освободил Дею от оков.

При всей холодности и жестокости в Тарсе Таркасе было и нечто другое, что он неустанно силился подавить в себе. Быть может, это был некий человеческий инстинкт, скрытый глубоко в душе, но терзающий его мыслью об ужасных путях его народа!

Когда я шел к повозке Деи Торис, Саркойя кинула на меня черный, злобный взгляд, красноречиво говоривший о сильнейшей ненависти. Будь этот взгляд мечом, он пронзил бы меня насмерть!

Немного позже я заметил, что она беседует с воином по имени Цад, невысоким, плотным грубияном. Он, однако, не убил еще ни одного из своих вождей и был поэтому смад, то есть воин с одним именем. Второе имя приходило только вместе с оружием убитого вождя – таков обычай. Меня, например, многие воины называли Дотар Соят – по именам вождей, которых я сразил в равном бою.

Пока Саркойя говорила, Цад бросал на меня быстрые взгляды, она же, казалось, упрашивала его о чем-то. Тогда я обратил на это мало внимания, но на следующий день вспомнил и понял всю глубину ненависти Саркойи.

Дея Торис в этот вечер не желала видеть меня. Когда я назвал ее по имени, она даже не обернулась, не сказала ни слова, а сделала вид, будто не знает о моем существовании. В отчаянии я поступил так же, как поступило бы большинство влюбленных: попытался заговорить о ней с кем-нибудь из ее приближенных. Таким человеком была Сола, которую я нашел на другом конце лагеря.

– Что случилось с Деей Торис? – торопливо спросил я. – Отчего она не хочет говорить со мной?

Сола и сама, казалось, недоумевала, как будто бы странные поступки двух человеческих существ были недоступны ее пониманию. Да так оно в действительности и было.

– Она говорит: вы рассердили ее, и больше ничего не хочет сказать, кроме разве того, что она дочь джеддака и ее унизило существо, недостойное чистить зубы у соража ее бабки.

Я помолчал несколько мгновений, потом спросил:

– Кто такой сораж, Сола?

– Небольшой зверек, величиной примерно с мою руку, с которым любят иногда играть красные марсианки.

Недостойн чистить зубы у кошки ее бабки! Я подумал, что Дея Торис довольно низкого мнения обо мне! Но потом не смог удержаться от смеха при мысли о таком домашнем и потому таком земном сравнении. И вдруг резко почувствовал тоску по родному дому – так это было похоже на наше «недостойн чистить мои ботинки». Потянулась вереница воспоминаний.

Я с изумлением стал размышлять о том, что происходит сейчас на моей родине. Я не видел близких уже много лет. В Виргинии было семейство Картеров, состоявшее со мной в родстве: меня считали там двоюродным дедушкой или чем-то вроде этого. Я мог отсутствовать двадцать или тридцать лет, но мальчишки продолжали бы считать меня дедушкой, хотя бы и двоюродным! Это показалось мне величайшей нелепостью. У Картеров было двое малышей, которых я очень любил. Они были убеждены, что на Земле нет никого, кто мог бы сравниться с дядей Картером. Сейчас я видел их перед собой так же ясно, как небо Барсума, и тосковал по ним, как не тосковал еще никогда.

Я был скитальцем от природы и не знал, что такое дом. И все же, когда я произносил это слово, в памяти всплывала большая комната у Картеров. К ней-то и обратилось теперь мое сердце, отвернувшись от холодных и враждебных марсиан. Ведь на Барсуме меня презирает даже Дея Торис! Здесь я низшее существо, настолько низшее, что недостойн даже чистить зубы у кошки ее бабки!

Но тут на помощь мне пришло врожденное чувство юмора, и я, улыбаясь, вернулся к себе, на свои шелка и меха, и уснул под многолунным небом крепким сном усталого и здорового воина.

На следующее утро мы рано пустились в путь и за весь день сделали только один привал. Однообразие нашего путешествия нарушили два события. Около полудня мы заметили нечто очень похожее на инкубатор, и Лоркас Птомель послал Тарса Таркаса на разведку. Тот взял с собой дюжину воинов, в том числе и меня, и мы понеслись по бархатистому ковру мха к небольшому строению.

Это действительно был инкубатор, но яйца в нем оказались значительно меньше тех, которые я уже видел. Тарс Таркас все внимательно оглядел и заявил, что кладка принадлежит зеленым варунам, а цемент стены едва просох.

– Их отделяет от нас не более одного дня пути! – воинственно воскликнул он.

В инкубаторе дел было немного. Воины быстро проломили брешь в стене, вошли внутрь и разбили все яйца своими короткими мечами.

Потом мы снова присоединились к каравану. Пока мы возвращались, я улучил мгновение и спросил Тарса Таркаса, как выглядят зеленые варуны.

– Дело в том, что их яйца много меньше, нежели те, что я видел в вашем инкубаторе, – добавил я.

Он объяснил мне, что яйца принесены совсем недавно. Здесь они будут расти пять лет, пока не достигнут обычных на Барсуме размеров.

Я любопытствовал потому, что никак не мог понять, каким образом зеленые марсианки производят на свет такие огромные яйца, откуда выходят четырехфутовые младенцы. Ока-

зывается, только что снесенное яйцо размером лишь немногим больше гусяного. Воинам не составляет особого труда перенести несколько сот яиц из пещер в инкубатор, где они начнут расти под солнечными лучами.

Вскоре после случая с яйцами варунов мы сделали привал. Тут произошел второй значительный эпизод этого дня.

Я переключал седло с одного из моих тоттов на другого, поскольку делил между ними дневной труд. Неожиданно подошел Цад и, не говоря ни слова, нанес животному ужасный удар своим длинным мечом.

Мне не надо было справляться в учебниках марсианского хорошего тона, чтобы узнать, как ответить в подобном случае. Я был так зол, что с трудом удержал себя от желания уложить Цада на месте одним выстрелом из револьвера. Но он стоял в выжидающей позе с обнаженным мечом, и я должен был сойтись с ним в честном бою, приняв выбранное им оружие. Я мог воспользоваться длинным или коротким мечом, кинжалом, топором, даже кулаками, но не огнестрельным оружием.

Зная, как наглец гордится своим умением владеть длинным мечом, я тоже избрал длинный меч: мне хотелось победить Цада его же собственным оружием.

Бой был долгий и задержал нашу колонну на добрый час. Весь караван собрался вокруг, оставив для боя площадку шагов сто в диаметре.

Цад сначала попытался броситься на меня, как бык бросается на волка. Я же был слишком быстр и ловок и всякий раз уворачивался, отвечая ударом меча. Вскоре он получил около дюжины небольших ран, но я никак не мог улучшить мгновение, чтобы нанести решающий удар. Тогда он изменил тактику, стал осторожен и чрезвычайно ловок, стараясь искусством достичь того, чего не удалось добиться бешеным натиском. Я должен сознаться, что Цад был превосходным бойцом. Но мне помогала врожденная выносливость и та необычайная подвижность, которую придавала меньшая сила притяжения Марса.

Мы довольно долго кружили, не причиняя друг другу заметного вреда, только длинные мечи сверкали в солнечных лучах. Наконец Цад, уставший сильнее меня, решил завершить бой мощнейшей атакой. Он ринулся вперед, и в этот миг в глаза мне ударил луч света. Я был ослеплен и мог только отскочить в сторону, чтобы увернуться от могучего удара. Это удалось лишь отчасти, и острая боль в левом плече пронзила меня. Но в то время, как я быстро оглядывался в поисках противника, я увидел нечто вознаградившее меня за рану.

Три фигуры стояли на одной из повозок, чтобы через головы окружавших нас тарков видеть бой. Это были Дея Торис, Сола и Саркойя. Когда мой взгляд на миг остановился на них, произошла сцена, которую я буду помнить до смертного часа.

В тот момент Дея обернулась к Саркойе и с яростью юной тигрицы вырвала что-то из ее высоко поднятых рук – что-то, ярко блестевшее на солнце.

Тут я понял, что ослепило меня и чуть не привело к гибели. Саркойя нашла способ убить, не нанося собственноручно последнего удара. Это было зеркало!

Когда Дея вырвала зеркало из рук Саркойи, лицо последней потемнело от ярости, и, выхватив кинжал, она занесла его над девушкой. Тут Сола, дорогая, верная Сола, бросилась между ними и закрыла Дею собой. Последнее, что я видел, – это большой нож, вонзающийся в ее грудь.

Мой противник возобновил атаку, и мне пришлось снова сосредоточить все внимание на сражении, но мысли были заняты другим.

Мы бешено нападали друг на друга, пока я не почувствовал у своей груди его меч, которого не мог избежать или парировать. Тогда, не желая умирать в одиночку, я бросился вперед, выставив свой меч. Сталь вонзилась в мою грудь, в глазах потемнело, голова закружилась, и я упал.

15. Сола рассказывает мне

Когда сознание вернулось, я вскочил на ноги и огляделся. Цад лежал мертвый на желтом мху высохшего марсианского моря, мой меч проткнул его грудь. Окончательно придя в себя, я увидел, что его меч прошел вскользь по моей груди и задел только мышцы, покрывающие ребра. В последней атаке я удачно повернул корпус и получил болезненную, но безопасную рану.

Я вытащил меч из тела противника, повернулся спиной к уродливому мертвецу и с тяжелым сердцем направился к повозкам. Ропот одобрения марсиан провожал меня, но я не обратил на него внимания.

Окровавленный и обессиленный, я добрался до женщин. Они привычно перевязали мои раны и приложили к ним изумительные целебные средства, помогающие при всех ранах, кроме смертельных. Дайте марсианке малейшую надежду на спасение раненого, и смерти придется отступить перед ее искусством и опытностью. Вскоре я уже не испытывал никакого беспокойства от страшного удара, только слабость от потери крови. А на Земле такой удар заставил бы меня пролежать в постели много дней.

Как только они отпустили меня, я поспешил к повозке Деи Торис, где увидел бедную Солу с перевязанной грудью, но живую. К счастью, кинжал ударился в одно из металлических украшений, которые она носила на груди, скользнул в сторону и только слегка задел плоть.

Дея навзничь лежала на шелках, и все ее хрупкое тело содрогалось от рыданий. Она ничего не замечала вокруг и не слышала нас с Соллой, хотя мы стояли рядом.

– Ее обидел кто-нибудь? – спросил я Солу.

– Нет. Она уверена, что вы погибли.

– И что некому чистить зубы у кошки ее бабушки? – улыбнулся я.

– Вы несправедливы к ней, Джон Картер, – сказала Сола. – Я не понимаю толком ни вашего, ни ее поведения, но думаю, что внучка десяти тысяч джедаков никогда не будет так оплакивать тех, кого считает ниже себя. Только того, к кому относится с величайшим уважением. Дея Торис принадлежит к породе гордецов, и вы, наверное, сильно оскорбили или обидели ее, раз она не хотела обращать на вас внимания, но так оплакивать вашу гибель может только равнодушный.

– Слезы не часто приходится видеть у барсумцев, – продолжала она, – поэтому мне так трудно объяснить, что они могут значить. За всю свою жизнь я видела только два плакавших существа. Одно из них плакало от горя, другое – от не нашедшей выхода ярости. Первой была моя мать, много лет назад, перед тем, как они убили ее; второй была Саркойя, когда сегодня ее оторвали от меня.

– Ваша мать! – воскликнул я. – Но, Сола, ведь вы не могли знать ее!

– Я знала ее. И я знаю моего отца. Если вы хотите услышать необычную для Барсума историю, приходите сегодня вечером в нашу повозку. Об этом я никому еще не рассказывала. А теперь уже подан знак выступить в поход. Вам надо идти.

– Я приду вечером, Сола, – пообещал я. – Передайте Дее Торис, что я здоров и невредим. Я не стану надоедать ей и не подам вида, что видел ее слезы. Но, если она захочет меня видеть, явлюсь немедленно.

Сола вошла в повозку, которая тут же заняла свое место в ряду других, а я поспешил к ожидавшему меня тоту и тоже помчался вскачь на свое место подле Тарса Таркаса в арьергарде колонны.

Мы представляли собой чрезвычайно внушительное и способное нагнать страх зрелище. Двести пятьдесят разукрашенных повозок на фоне желтого пейзажа. Впереди двести вождей и воинов верхом, по пять в ряд, на расстоянии ста футов, и сзади такое же количество в том

же порядке. Фланги прикрывало с каждой стороны не менее двадцати воинов, а также пятьдесят «мастодонтов», тяжелых упряжных животных, известных под именем зитидаров. Пять или шесть сотен тоттов свободно бежали внутри четырехугольника, образуемого воинами. Сверкающие металлических украшений и драгоценностей марсиан, пышная и блестящая сбруя животных, яркие краски великолепных мехов, шелков и перьев – все это сообщало нашему каравану поистине варварский блеск. Любой индийский магараджа позеленел бы от зависти!

Огромные колеса повозок и тяжелые ступни животных не производили ни малейшего шума на мшистом дне высохшего моря. Мы продвигались в полной тишине, подобные некоему видению, лишь изредка молчание нарушалось горловым ворчанием подгоняемого зитидара или криками дерущихся тоттов. Сами зеленые марсиане говорят обычно очень мало и односложно, а речь их подобна отдаленным раскатам грома.

Здесь не видно было никаких следов, ведь, прогнувшись под давлением колеса, мох тут же снова занимал прежнее положение. Мы могли быть духами мертвых в этом безжизненном море умирающей планеты, так неслышно и незаметно мы шли. Впервые в жизни я видел поход большого отряда, продвигавшегося, не поднимая пыли и не оставляя за собой никаких следов. (На Марсе очень мало пыли и только в зимние месяцы, и то эта пыль почти незаметна благодаря отсутствию сильных ветров.)

Все это время наши животные обходились без питья. Тарс Таркас объяснил мне, что они мало нуждаются в жидкости и могут питаться мхом, содержащим немного влаги.

Вечером этого дня мы остановились у подножия холмов, которые уже два дня служили для нас ориентирами и образовывали южную границу этого необычного моря. Поужинав, я отправился к Соле и нашел ее работающей при свете факела над сбруей для Тарса Таркаса. Она взглянула на меня, и лицо ее просияло радостью и приветом.

– Я рада, что вы пришли, – сказала она, – Дея Торис спит, и я одна. Мое племя мало беспокоится обо мне – я слишком не похожа на них всех. У меня невеселая судьба: прожить с ними всю жизнь – это мука. Мне часто хотелось быть типичной зеленой марсианкой, не знающей любви. Но я познала любовь и должна погибнуть.

Я обещала вам рассказать мою историю, вернее, историю моих родителей. Я знаю вас и жизнь вашего народа и убеждена, что мой рассказ не покажется вам слишком диким. Но такого не случалось среди зеленых марсиан, даже в наших легендах не встретишь ничего похожего.

Моя мать была невысокой, и ей не поручали деторождение, поскольку совет выбирает матерей в основном по принципу роста. Кроме того, она была не так холодна и жестока, как большинство марсианок. Избегая их общества, мать часто бродила одна по пустынным улицам Тарка или сидела среди цветов, покрывающих расположенные близ города холмы. В одиночестве она мечтала. Только я одна из всех таркианских женщин могу представить, о чем она тогда думала, потому что я – дочь своей матери!

Среди холмов она и повстречала молодого воина, пасшего зитидаров и тоттов. Сначала они просто болтали, но мало-помалу стали сближаться, и их встречи уже не были случайностью. Наконец они обрели смелость и заговорили о сокровенном: желаниях, надеждах, мечтах. Мама доверилась ему и рассказала о своем ужасном отвращении к жестокости марсиан, о желании любви. Открыв душу, она со страхом ожидала, что с его холодных жестоких губ сорвутся слова презрения; но вместо этого он обнял и поцеловал ее.

Целых шесть лет они скрывали ото всех свою любовь. Моя мать принадлежала к свите великого Тала Хаджуса, а отец был простым воином-пастухом. Если бы стало известно, что они преступили законы и обычаи тарков, их ждала бы смерть на большой арене перед лицом Тала Хаджуса и несметной толпы.

Яйцо, из которого я появилась на свет, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самом высоком и недоступном из полуразрушенных замков древнего Тарка. Моя мать навещала его раз в год в течение всех пяти лет – срока инкубации. Она не решалась приходить

чаще: боялась, что за каждым ее шагом следят. За это время мой отец успел выдвинуться, победив в бою многих вождей. Он по-прежнему любил мою мать, и единственной целью его жизни было добыть оружие самого Тала Хаджуса. Убив его, отец стал бы владыкой всех тарков и получил право назвать любимую женой. Он мог тогда покровительствовать своему ребенку, который иначе был бы убит.

Добыть оружие Тала Хаджуса за пять коротких лет было безумной мечтой, но успехи отца были очень велики, и скоро он занял видное место в совете тарков. Случайность разбила его надежды: отца отправили в далекую экспедицию на покрытый льдами юг, он должен был захватить у южных племен меха. Таков обычай зеленых барсумцев: они никогда не трудятся над тем, что могут отнять у других в бою. Через пять лет отец вернулся, но все уже было кончено.

Спустя некоторое время после его отъезда мое яйцо вскрылось. Вскоре должны были и привести детей из общественного инкубатора. Мама оставила меня в старом замке, еженочно навещала и ласкала. Она надеялась, что во время возвращения экспедиции из инкубатора ей удастся замешать меня в толпу детей, предназначенных двору Тала Хаджуса. Тогда она избежала бы жестокого наказания, которое ожидало ее за преступление против древних обычаев зеленых марсиан.

Мама обучала меня языку и обычаям барсумцев, а однажды ночью рассказала мне историю моего рождения. Она внушала необходимость полной тайны и величайшей осторожности. Когда я окажусь вместе с другими юными тарками, никто не должен догадаться, что я другая, что я знаю, кто мои родители. И мама прошептала мне имя моего отца.

Вдруг в темноте комнаты вспыхнул свет и перед нами предстала Саркойя. Ненависть, исходившая от нее, заставила сжаться мое сердце. Очевидно, она давно подозревала мою мать из-за ее отлучек, а теперь слышала весь наш разговор.

Она не расслышала только одного – имени моего отца – и теперь настойчиво требовала у мамы назвать имя того, с кем согрешила. Но никакие угрозы не могли вырвать его из сердца любящей женщины. Чтобы спасти меня от неизбежных пыток, мать сказала, что не открыла этого имени ребенку. Саркойя поспешила к Талу Хаджусу с доносом. Едва она вышла, моя мать укутала меня в меха и побежала с безумной скоростью к южной окраине города, где находился мужчина, на чью помощь она не могла надеяться, но чье лицо ей хотелось увидеть еще раз перед смертью.

Когда мы приблизились к окраине, то услышали шум со стороны ворот, которыми пользуются все отряды. Это были крики тотов и рев зитидаров, к ним примешивалось бряцание оружия. Первой мыслью моей матери было, что отец возвращается из своей экспедиции, но она знала тарков, и это удержало ее от того, чтобы побежать очертя голову ему навстречу.

Спрятавшись в тени арки, мать ждала, чтобы кавалькада поравнялась с ней. Когда передняя часть процессии проходила мимо нас, меньшая луна осветила ее и показала, что это была экспедиция из инкубатора. Появился шанс спасти меня. Когда большая повозка поравнялась с нами, мать спряталась в ее тени и побежала рядом, страстно прижимая меня к груди. Она знала, что никогда ей не суждено больше ни обнять, ни увидеть меня.

На большой площади началась сутолока, мама втолкнула меня в толпу других детей. Стражи были рады наконец-то снять с себя ответственность, лежавшую на них все время пути, и ничего не заметили. Детей ввели в большую комнату, где нас приняли незнакомые женщины, а на следующий день всех распределили по свитам вождей.

Я никогда больше не видела матери. Тал Хаджус заключил ее в темницу, пытал, желая узнать имя моего отца, но она осталась тверда и умерла под смех Тала Хаджуса и других вождей во время одной из пыток. Мама убедила их, что убила меня, чтобы спасти от пыток, а тело оставила белым обезьянам. Только Саркойя не поверила ей, и я чувствую, что она подозревает о моем истинном происхождении.

Когда отец вернулся, Тал Хаджус рассказывал при нем историю моей матери. Я присутствовала при этом и видела, что ни один мускул не дрогнул на его лице. Он ничем не выдал своего волнения, только не смеялся, когда Тал Хаджус весело описывал ее смертные муки. С этого мгновения отец ожесточился, и я жду того дня, когда он исполнит свое сокровенное желание и пнет ногой мертвое тело Тала Хаджуса. Любовь по-прежнему сильна в его сердце, как и сорок лет назад, когда это чувство переродило его, и он жаждет отомстить. Я знаю это так же твердо, как то, что мы сидим здесь, у края древнего как мир моря.

– А ваш отец, Сола, он здесь? – спросил я.

– Да, – отвечала она, – но он не знает, что я его дочь, и не знает, кто предал мою мать Талу Хаджусу.

Мы долго молчали. Она погрузилась в мысли о своем ужасном прошлом, а я с глубоким сочувствием думал о несчастных влюбленных.

Наконец Сола заговорила:

– Джон Картер, вы настоящий мужчина, я могу довериться вам. Это может когда-либо пригодиться, и я назову вам имя моего отца. Когда придет час, скажите правду, если вам покажется, что так будет лучше. Имя моего отца – Тарс Таркас!

16. Мы надеемся бежать

Остальная часть нашего путешествия до Тарка протекала спокойно. Мы были в пути три недели, миновали два морских дна и развалины нескольких городов. Дважды мы пересекали знаменитые водные пути (марсианские каналы). Это было опасно – мы высылали разведчиков и продвигались только в случае, если поблизости не было видно сильных отрядов красных марсиан. По полосе обработанных земель идти тоже было достаточно сложно, так как рядом находились населенные пункты и надо было пересекать многочисленные широкие дороги. Один из этих переходов продолжался пять часов без остановок, а другой отнял целую ночь, и, едва мы переступили границу обработанных полей, взошло солнце.

Такие переходы делались в темноте, и я почти ничего не видел, только меньшая луна в своем бешеном беге время от времени вырывала фрагменты ландшафта, озаряя огороженные поля и неясные дома, очень похожие на наши земные фермы. Здесь росло много деревьев, и некоторые достигали невероятной высоты. Были и животные за загородками, они давали знать о себе испуганными криками и фырканием, учуяв наше приближение.

Только однажды я увидел человека. Было это на пересечении нашего пути с широкой белой дорогой, которая прорезает вдоль полосу обработанных земель. Парень, должно быть, спал подле дороги. Проснувшись и едва успев бросить взгляд на приближающийся караван, он как безумный вскочил и перелетел ближайшую ограду с быстротой испуганной кошки. Тарки продолжали спокойно продвигаться вперед, но несколько ускорили шаг, чтобы поскорее добраться до следующей пустыни, граничащей с владениями Тала Хаджуса.

За все это время Дея Торис ни разу не позвала меня к себе в повозку, а моя безумная гордыня не позволяла мне прийти самому. Может, существует такая зависимость: чем доблестнее воин, тем более робок он с женщинами. Как часто слабые и трусливые на поле боя пленяют слабый пол тогда, когда отважные воины, готовые встретиться лицом к лицу тысячу настоящих опасностей, бездействуют подобно испуганному ребенку.

И вот ровно через месяц после прибытия на Барсум я вступил в древний город Тарк. Зеленые марсиане насчитывают около тридцати тысяч душ и делятся на двадцать пять общин. Во главе каждой общины стоит джед, ему подчиняются вожди, но все они беспрекословно выполняют приказы Тала Хаджуса, джедака Тарка. Пять общин живут в самом Тарке, остальные занимают другие опустевшие города древнего Марса.

Мы вступили на большую городскую площадь около полудня. Никто не встречал вернувшуюся экспедицию восторженными приветствиями, интерес возник, только когда стало известно о пленных. Дея Торис и я сделали предметом всеобщего любопытства.

Вскоре нам отвели квартиры, и остаток дня мы посвятили устройству на новом месте. Здание стояло на главной улице города, выходящей на большую площадь с южной стороны, меня поместили в дальнем крыле. Архитектура здесь была столь же величественна, как и в Кодаре. Этот дом подошел бы императору, но для этих странных существ значение имели только размеры. Поэтому Тал Хаджус жил в самом большом доме города, хотя и самом невзрачном. Следующее по величине здание занимал Лоркас Птомель, за ним – джед рангом ниже и так далее. Воины помещались в том же здании, что и вождь. Впрочем, они могли занять любое из тысяч свободных зданий в той части города, которая была отведена их общине. Выбор зданий был связан с этим распределением общин по городу, только для джедов делалось исключение: они занимали здания, выходящие на большую городскую площадь.

Когда я наконец привел в порядок свое помещение, вернее сказать, когда его привели в порядок под моим наблюдением, было уже недалеко до заката. Я поспешил разыскать Солу, чтобы помочь устроиться ей и ее подопечной. К тому же я хотел объясниться с Деей Торис и убедить ее в необходимости перемирия для побега. Я безрезультатно искал их повсюду, пока

верхний край солнца не скрылся за горизонтом. Наконец я заметил уродливую морду Вулы, выглядывающую из окна второго этажа дома на другой стороне моей улицы.

Я не стал ждать приглашения и взбежал по винтовой лестнице на второй этаж. Здесь меня приветствовал радостный рев Вулы, который бросился ко мне и чуть не раздавил своим громадным телом. Он был так рад моему приходу, что казалось, будто он не прочь меня съесть: вся его морда ослабилась широчайшей улыбкой.

Я ласково успокоил его и стал вглядываться в темноту комнаты, ища Дею. Она сидела в старинном резном кресле среди мехов и шелков. Я молчал; тогда она поднялась во весь рост и спросила:

– Что нужно Дотару Сояту, тарку, от Деи Торис, его пленницы?

– Дея Торис, я не знаю, чем оскорбил вас. Меньше всего я хотел обидеть или огорчить ту, кого надеялся охранять и защищать. Вы можете забыть обо мне потом, но сейчас должны помочь устроить побег. Я не прошу, я приказываю. Когда вы снова будете у вашего отца – можете поступать, как вам будет угодно, но до этого я ваш господин, и вы должны подчиняться.

Дея внимательно и долго смотрела на меня, и мне показалось, что мои слова задели ее.

– Я понимаю ваши слова, Дотар Соят, – ответила она, – но не понимаю вас. Вы странно сочетаете в себе ребенка и мужа, зверя и благородное существо. Я очень хотела бы увидеть, что таится в вашем сердце.

– Опустите глаза вниз, Дея Торис. – Мое сердце лежит у ваших ног. Оно там с той самой ночи в Кодаре и вечно хотело бы биться только для вас, пока смерть не остановит его.

Она слегка приблизилась и протянула руки каким-то странным движением, как будто на ощупь.

– Что вы хотите сказать этим, Джон Картер? – прошептала она.

– Я сказал то, что поклялся не открывать вам до тех пор, пока вы не перестанете быть пленницей. Я сказал то, что не собирался говорить вам вовсе, судя по вашему обращению со мной в течение последних трех недель. Я сказал вам, Дея Торис, что принадлежу вам душой и телом, что я готов служить вам, сражаться за вас и умереть за вас. Я не прошу ни о чем. Я не жду согласия или отказа, по крайней мере до тех пор, пока вы не станете свободной. Мне не нужна благодарности, потому что я искренне хочу помочь. Только одно: давайте будем друзьями и союзниками, как прежде.

– Хорошо, Джон Картер. Я столь же охотно принимаю вашу дружбу, как и признаю ваш авторитет: отныне ваше слово будет для меня законом. Дважды я была несправедлива к вам и прошу у вас прощения.

Дальнейшая беседа была прервана приходом взволнованной Сола. Она была не похожа на себя, обычно спокойную и владеющую собой.

– Эта отвратительная Саркойя была у Тала Хаджуса, – воскликнула она, – и судя по тому, что я слышала на площади, у вас мало шансов остаться в живых.

– Что они говорят? – спросила Дея.

– Что вас отдадут на растерзание диким калотам (псам) на большой арене, как только все общины соберутся для ежегодных игр.

– Сола, – сказал я, – вы принадлежите к племени тарков, но вы так же сильно ненавидите их нравы и обычаи, как и мы. Не хотите ли вы бежать вместе с нами? Я уверен, что Дея Торис сможет обеспечить вам гостеприимство своего народа, и ваша судьба сложится там куда счастливее.

– Да! – воскликнула Дея. – Бежим с нами, Сола! Вам будет много лучше у красных людей Гелиума, чем здесь. Я могу обещать вам не только кров и пищу, но любовь и уважение, по которым вы так тоскуете и которых лишают вас законы и обычаи вашей расы. Идемте с нами, Сола! Ваша участь будет ужасна, если они заподозрят, что вы помогали нам. Я знаю: страх не заставит вас бежать с нами, но, возможно, вас воодушевит мысль о том, что вы попадете в

страну, где можно быть счастливым и где люди умеют любить. Бегите с нами, Сола, скажите, что вы согласны!

– Великий водный путь, который ведет в Гелиум, лежит всего в пятидесяти милях к югу, – прошептала Сола почти про себя. – Как только они узнают о бегстве, они пустятся в погоню. Мы могли бы спрятаться в лесу, но все же шансов очень мало. Они будут преследовать нас до самых границ Гелиума.

– А разве нет другого пути? – спросил я. – Быть может, Дея, вы набросаете нам приблизительный план тех мест, по которым ведет дорога в Гелиум?

– Хорошо, – ответила она, вынула из своих волос громадный бриллиант и начертила на мраморном полу первую карту Барсума, которую мне довелось видеть. Ее пересекали длинные прямые линии, иногда параллельные, иногда собирающиеся в какой-либо точке, отмеченной кружком. Дея объяснила, что эти линии – водные пути, круги – города, а один из них, далеко отстоящий от нас на северо-запад, – Гелиум. По пути встречались и другие города, но она сказала, что боится входить во многие из них, поскольку не все они находятся в дружбе с Гелиумом.

Наконец, внимательно изучив карту при свете луны, заливавшем теперь всю комнату, я указал на одну водную магистраль, расположенную далеко к северу от нас.

– А этот канал протекает через земли вашего отца? – спросил я.

– Да, – ответила она, – но он находится в двухстах милях к северу от Тарка; мы пересекали его по дороге сюда.

– Они ни за что не подумают, что мы решили бежать таким длинным путем, – возразил я. – Это оптимальный вариант.

Сола согласилась со мной, и мы решили покинуть Тарк этой же ночью, едва я сумею найти и оседлать моих тотов. Сола сядет на одного из них, мы с Деей – на другого, каждый захватит двухдневный запас еды – быстрее животные такое большое расстояние не пройдут.

Я предложил Дее Торис отправиться вместе с Солой по одной из наиболее пустынных улиц к южной окраине города, где я с тотами присоединюсь к ним. Они стали собирать необходимое снаряжение, а я спокойно выскользнул во двор, где топтались перед сном животные.

В тени зданий бродило множество зитидаров и тотов; первые испускали свое глухое горловое ворчание, а вторые время от времени пронзительно визжали, выражая этим состояние бешеного раздражения, в котором постоянно пребывают. Теперь, в одиночестве, они были спокойнее, но как только почуяли меня, то сразу заволновались, и их отвратительный гам усилился. Решиться войти ночью одному в загон тотов было нешуточным делом: усилившийся шум мог привлечь внимание находившихся неподалеку воинов, а кроме того, в любое мгновение какой-нибудь огромный тот мог броситься на меня.

Я не имел никакого желания раздражать их, особенно в эту ночь, когда все зависело от моей осторожности. Прячась в тени зданий, готовый в любое мгновение шмыгнуть в ближайшее окно или дверь, я добрался до загона и тихо позвал двух своих тотов. Как я был благодарен провидению, которое надоумило меня приручить этих диких зверей. Две громадные туши послушно направились ко мне из дальнего угла двора. Они подошли вплотную и стали тереться мордами о мое плечо, обнюхивая меня и ожидая лакомства, которое я обычно приносил с собой. Распахнув ворота, я приказал обоим громадным животным следовать за мной.

Я не стал седлать тотов и пошел, продолжая прятаться в тени, по самой безлюдной улице, которая вела к окраине, где мы условились встретиться. Мы бесшумно крались по пустынному Тарку подобно бесплотным духам, и я вздохнул свободно только тогда, когда увидел равнину, расстилающуюся за городом. Я был убежден, что Дее Торис и Соле не составит труда добраться до места. Но насчет своих огромных животных я не был столь уверен, ведь тоты редко покидают город после наступления темноты.

Все же я благополучно добрался до условленного места. Женщин там еще не было, и я на время поместил животных в комнате одного из находящихся неподалеку больших зданий. Возможно, к Соле зашла какая-нибудь соседка и задержала их, так что поначалу я несколько не беспокоился. Но прошел целый час, а потом еще полчаса, и меня охватила паника. В ночной тишине я услышал шум проходившего неподалеку отряда, и до меня донеслись несколько слов, вселивших ужас:

– Он, по-видимому, договорился встретиться с ними за пределами города.

Это было все, что я успел уловить: отряд прошел мимо. Но этого было достаточно. Наш план раскрыт, и надежды нет! Теперь я хотел только вернуться незамеченным в дом Деи и узнать, что с ней. Но как сделать это с огромными, чудовищными тотами, когда слух о моем бегстве уже наполнил город? Это было практически невозможно!

Внезапно меня осенила мысль: посередине каждого марсианского дома есть большой крытый двор – туда я повел своих тоттов по темным комнатам. Им было нелегко пролезать через узкие двери, но в конце концов мы благополучно добрались до внутреннего двора, где было много мха. Здесь животные смогут пастись, пока я не найду способа вернуть их в привычное стойло. Тут они будут столь же спокойны и довольны, как в любом другом месте. К тому же никто не найдет их, потому что таркианцы не любят посещать эти полуразрушенные отдаленные здания, которые часто служат приютом для больших белых обезьян. Только они, как мне кажется, способны внушить марсианам страх.

Расседлав тоттов, я спрятал седла в дверной нише и, оставив животных на свободе, оказался на улице. Я удостоверился, что поблизости никого нет, быстро перебежал к другому дому и пробрался в его двор. Так, по дворам, переходя улицы только там, где это было неизбежно, я благополучно добрался до дома Деи Торис.

Во дворе стояли тотты воинов, занимавших соседние дома, а внутри дома я мог встретить и их самих. Я внимательно осмотрелся, чтобы сообразить, где находится комната Деи Торис, поскольку никогда не видел этого здания со двора. Потом воспользовался своей подвижностью и прыгнул в окно второго этажа, где находилась ее спальня. Я прокрался по коридору к дверям ее комнаты, откуда доносились голоса.

Я не стал врываться очертя голову, а прислушался. Это было разумно: разговаривали мужчины, и их слова предупредили меня об опасности. Говоривший был вождем, он отдавал указания четверым воинам:

– А когда он, не встретившись с ней на окраине города, вернется сюда, вы вчетвером обезоружите его. Потребуется максимальные усилия, если верно говорят о его необыкновенной силе и ловкости. Свяжите его накрепко, снесите в темницу во дворе джедаков и наденьте на него оковы, чтобы он мог предстать перед очами Тала Хаджуса, как только джедак того захочет. Не позволяйте никому входить в темницу. Девушка не придет – она сейчас в объятиях Тала Хаджуса, и пусть ее пожалеют предки, у Тала Хаджуса нет к ней жалости. Саркойя сделала славное дело. Я ухожу, и если вы не поймаете его, я брошу ваши тела в холодные воды Исс.

17. Счастлиное освобождение

Когда вождь замолчал, мне нечего было больше ждать. Я слышал достаточно для того, чтобы осознать весь ужас сложившегося положения. Потихоньку выскользнув, я вернулся во двор тем же путем, которым пришел. В одно мгновение у меня сложился план действий. Я пересек сквер и прилегавшую к нему с противоположной стороны аллею и вскоре стоял во дворе Тала Хаджуса.

Яркий свет на первом этаже указал мне, куда следует направиться, но попасть туда будет не так легко, потому что комнаты рядом были полны народа. Я окинул взглядом верхние этажи и, заметив, что третий этаж не освещен, решил проникнуть внутрь здания именно этим путем. Добраться до верхних окон было делом минуты, и скоро я уже был защищен темнотой третьего этажа.

К счастью, комната, куда я попал, была нежилой, и, бесшумно прокравшись в задний коридор, я заметил впереди свет. Там находилось помещение, служившее входом во множество внутренних комнат и простиравшееся от первого этажа до купола здания над моей головой. Нижний ярус этого обширного круга был наполнен начальниками, воинами и женщинами, с одной стороны было возвышение, там сидело на корточках самое отвратительное животное, какое я когда-либо видел.

У него были грубые, жестокие черты лица обычного зеленого марсианина, но на них лежал отпечаток низменных животных страстей. В его скотской внешности не было и следа достоинства: его чудовищное тело распласталось подобно какой-то громадной безобразной жабе, в то время как шесть конечностей дрожали и ударили по трону с отупляющим однообразием.

Но самое страшное – Дея Торис и Сола стояли перед ним. Нечто дьявольское было в его больших выпуклых глазах, когда он жадно уставился на совершенную фигуру Деи. Она что-то говорила, но я не мог расслышать слов, так же как не мог понять и его ответа. Дея стояла выпрямившись, с гордо поднятой головой, и даже на расстоянии можно было прочесть на ее лице отвращение и презрение. Она держалась надменно, не обнаруживая ни малейших признаков страха. Это действительно была достойная дочь тысячи джедаков. Дея представлялась такой тонкой и хрупкой среди толпы воинов, окружавших ее, но эта миниатюрность скрадывалась наполнявшим принцессу величием. Она казалась среди них самой высокой, самой сильной, и я уверен, что они это чувствовали.

В это время Тал Хаджус сделал знак, чтобы комнату покинули все, кроме пленниц. Вожди, воины, женщины медленно исчезли в тени окружающих комнат, и Дея Торис и Сола остались одни перед джедаком тарков.

Только один вождь колебался перед тем, как выйти. Я видел, как он стоял один, в тени большой колонны, его пальцы нервно играли рукояткой меча, а жестокие глаза с неукротимой ненавистью устремились на Тала Хаджуса. Это был Тарс Таркас, и я мог прочесть его мысли, как в открытой книге, по непритворному отвращению, отражавшемуся на его лице. Он думал о другой женщине, которая сорок лет тому назад стояла здесь. Сумею я в этот момент сказать одно слово ему на ухо – и с царствованием Тала Хаджуса было бы покончено; но он удалился, не зная, что оставляет свою собственную дочь на милость самого ненавистного для него существа. Тал Хаджус встал, и я, испуганный, предвидя его намерения, поспешил к спиральному проходу, который шел с нижних этажей. Никто не помешал мне, я добрался незамеченным до большой двери, ведущей в зал. Я скрылся в тени той самой колонны, где только что стоял Тарс Таркас. Тал Хаджус говорил:

– Принцесса Гелиума, я мог бы потребовать огромный выкуп от вашего народа, с тем чтобы вернуть вас целой и невредимой, но я тысячу раз предпочту удовольствие наблюдать,

как ваше прекрасное лицо исказится в агонии; обещаю вам, что пытка будет длиться долго. Десять дней этого наслаждения было бы слишком мало, чтобы выказать всю любовь, которую я питаю к вашей расе. Ужасы вашей смерти будут тревожить сны красных людей всех будущих поколений, они станут бояться ночных теней после отцовских рассказов о страшной мести зеленых людей, о силе, мощи, ненависти и жестокости Тала Хаджуса. Но перед тем, как начнется пытка, вы на один краткий час станете моею, и весть об этом дойдет до Тардоса Мориса, джеддака Гелиума, вашего деда – пусть он катается по земле в отчаянии. Завтра пытка начнется. Сегодня ночью ты принадлежишь Талу Хаджусу. Идем!

Он спрыгнул с трона и грубо схватил ее за руку, но едва он дотронулся до нее, как я оказался между ними. Мой кинжал, острый и блестящий, был в правой руке; я мог бы сию секунду вонзить его в эту мерзкую плоть, прежде чем Тал Хаджус успел бы осознать это. Но я вспомнил о Тарсе Таркасе: при всем своем гневе я не мог украсть у него сладостный миг отмщения, надеждой на который он жил все эти долгие годы. Я ударил Тала Хаджуса кулаком прямо в челюсть. Он свалился на пол без крика, как мертвый.

Я молча схватил Дею за руку, жестом указал Соле следовать за нами и бесшумно прокрался из этой комнаты в верхний этаж. Незамеченные, мы достигли заднего окна, и я спустил женщин на землю. Легко соскользнув вслед за ними, я быстро провел их вдоль двора, все время оставаясь в тени зданий, и так мы вернулись на тот самый путь, которым я так недавно попал сюда с окраины города.

Наконец мы добрались до моих тотов; они стояли там же, где я их оставил. Взнуздав их, мы торопливо вышли на улицу. Я усадил Солу на одного тотта, сам вскочил на другого, а Дею поместил позади себя, и мы выехали из города тарков.

Вместо окружной дороги, ведущей на северо-запад к ближайшему каналу, мы повернули на северо-восток и пустились через мшистую пустыню, где на расстоянии опасных и утомительных миль протекала другая водная артерия, ведущая в Гелиум.

Мы не перемолвились друг с другом ни словом, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие рыдания Деи Торис, которая прислонилась к моему плечу.

– Если вам удастся побег, мой вождь, то Гелиум будет перед вами в неоплатном долгу. Ну а если это вам не удастся, – продолжала она, – долг будет не меньше, хотя Гелиум никогда не узнает, что вы пытались спасти последнюю из рода джеддаков.

Я не ответил, но наклонился и сжал маленькие пальцы любимой; они тотчас ответили на пожатие, как бы ища поддержки. И так, в молчании, мы ехали по желтому, освещенному луной мху. Каждый из нас думал о своем. Я чувствовал рядом тепло Деи, и, несмотря на все прошедшие и предстоящие нам опасности, мое сердце пело так весело, как будто мы уже оставили позади заставы Гелиума.

Наши первоначальные планы провалились, и мы оказались теперь без пищи и питья. Оружие было только у меня. Поэтому мы изо всех сил понукали наших животных, хотя это могло быстро изнурить их.

Мы ехали всю ночь и весь день, останавливаясь только на самое короткое время. На вторую ночь и мы, и наши животные были совершенно измучены; мы опустились на мох и заснули на какие-то пять-шесть часов, с тем чтобы продолжить путешествие задолго до утренних лучей. Весь следующий день мы снова провели в пути, и когда поздно вечером не увидели впереди больших деревьев – признак близости канала, – страшная истина открылась нам: мы заблудились! Очевидно, мы давно кружили, ориентироваться по солнцу и луне оказалось трудно. Все были готовы упасть от голода, жажды и усталости.

Далеко впереди мы могли различить очертания невысоких гор и решили, что с какой-нибудь вершины сможем увидеть желанную реку. Ночь накрыла нас прежде, чем мы достигли цели, и, почти в обмороке от усталости и истощения, мы заснули прямо на земле.

Я проснулся рано утром от прикосновения какого-то большого тела. Испуг оказался напрасным: это был старый друг Вула. Верное животное следовало за нами через бездорожье пустыни, чтобы разделить нашу участь, какой бы она ни была. Обняв его голову, я прижался к нему щекой и не стыдился слез, выступивших на моих глазах при мысли о его любви ко мне. Немного спустя проснулись женщины, и было решено продолжить путь к холмам.

Мы прошли не более мили, когда мой тот начал спотыкаться, хотя мы не понукали его, как накануне. Вдруг он как-то странно наклонился и тяжело рухнул на землю. Дея Торис и я упали на мягкий мох. Бедное животное было в плачевном состоянии, оно даже не могло встать, хотя освободилось от нашей тяжести. Я хотел было пристрелить его, чтобы избавить от мучительной смерти в пустыне, но Сола сказала, что свежесть ночи и отдых придадут ему силы, и я отказался от этой мысли.

Освободив его от сбруи, я предоставил бедное животное его участи и постарался обойтись одним тотом. Сола и я пошли пешком, а Дея ехала верхом, хотя и сильно протестовала. До холмов оставалась какая-нибудь миля, когда Дея Торис крикнула, что там отряд всадников. В горах был небольшой проход, воины осмотрели его и скрылись.

Последний воин остановился у самого прохода, поднес к глазам небольшой полевой бинокль и принялся осматривать долину. Очевидно, это был предводитель всадников, так как во многих отрядах зеленых марсиан лидер находится в последнем ряду колонны. Когда его бинокль устался на нас, наши сердца остановились, и я почувствовал, что холодный пот выступает из каждой поры моего тела. Нервное напряжение дошло до крайних пределов; я сомневаюсь, дышал ли кто-нибудь из нас в те долгие минуты, когда он наводил свой бинокль. Затем вождь опустил его. Мы видели, как он дал своим воинам знак и, даже не дожидаясь, пока те догонят его, повернул своего тотта и во весь опор понесся нам навстречу.

Оставался один слабый шанс на спасение, и надо было скорее его использовать. Подняв марсианскую винтовку на плечо, я прицелился и спустил собачку; раздался оглушительный взрыв – пуля достигла цели, и предводитель конного отряда упал навзничь со своего тотта.

Вскочив на ноги, я приказал Соле сесть на оставшегося тотта вместе с Деей и двигаться кружным путем к холмам. В оврагах и рытвинах они смогут найти временное убежище, а если и погибнут от голода и жажды, это будет для них лучше, чем попасть в руки тарков. Я отдал им два пистолета, не столько для защиты, сколько для того, чтобы в случае опасности повторного плена самим распорядиться своей жизнью. И посадил Дею на тотта.

– До свидания, принцесса! – прошептал я. – Мы еще встретимся в Гелиуме. Я выходил из худших положений, чем это.

Я попробовал улыбнуться, чтобы показать уверенность.

– Как! – вскричала она. – Вы не пойдете с нами?

– Нет. Надо задержать всадников, а один я легче ускользну от них.

Она спрыгнула с тотта и, обняв меня, повернулась к Соле со спокойным достоинством:

– Беги, Сола! Дея Торис останется умирать с тем, кого она любит.

Эти слова запечатлелись в моем сердце. Я охотно отдал бы тысячу раз мою жизнь, чтобы услышать их опять; но тогда у меня не было ни секунды почувствовать счастье ее объятий. В первый раз поцеловав Дею, я поднял ее на руки и опять вскинул на седло, напомнив о ее клятве во всем повиноваться мне. Затем ударил тотта в бок, и он понесся.

Обернувшись, я увидел зеленых воинов, скачущих по горному хребту к своему предводителю. Едва они заметили меня, как я открыл стрельбу, лежа на животе во мху. В моем запасе была целая сотня патронов в сумке у ружья и другая в поясе за спиной. Я вел непрерывный огонь, пока не увидел, что все воины, которые первыми вернулись из-за другой стороны хребта, были мертвы или позорно прятались.

Мой отдых был, однако, недолог, так как вскоре показался еще отряд, численностью в несколько сот марсиан; они направлялись ко мне бешеным галопом. Я стрелял, пока не кон-

чилились снаряды. Враг почти настиг меня. К счастью, Дея Торис и Сола уже исчезли из виду. Вскочив, я поспешил в направлении, противоположном тому, куда скрылись женщины.

Если марсиане имеют какое-нибудь представление о скачках, то они получили его именно в тот день, много лет тому назад. Их охватило страстное желание поймать меня.

Они яростно гнались за мной, пока наконец моя нога не коснулась спасительного куска кварца. Я вытащил саблю, желая дорого продать свою жизнь, но не выдержал их стремительного напора. Удары посыпались на меня самым настоящим градом; голова моя закружилась, в глазах потемнело, и я упал в беспамятстве.

18. В плену у урухунцев

Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем я пришел в себя, с удивлением обнаружив, что жив. Я лежал на мехах в углу маленькой комнаты, в которой сидело несколько зеленых воинов; надо мной склонилась уродливая старуха.

Когда я открыл глаза, она обернулась к одному из них и сказала:

– Он ожил, о джед!

– Ладно, – ответил марсианин и подошел к моему ложу. – Он доставит редкое развлечение любителям Большой игры!

Это был не тарк, своими украшениями и оружием он отличался от них. Безобразный воин, со шрамами на лице, сломанным клыком и недостающим ухом. На его груди висели нанизанные на ремень черепа и столько же высохших рук. Упоминание о Большой игре, о которой я так много слышал среди тарков, убедило меня, что я попал из чистилища в геенну огненную.

Он перекинулся с женщиной несколькими словами, и она уверила его, что я вполне способен к путешествию. Тогда джед приказал мне сесть верхом и ехать позади большой колонны.

Я был надежно привязан к самому дикому и необъезженному животному, какое когда-либо видел, и вооруженные всадники с обеих сторон следили за мной; мы понеслись бешеным аллюром вослед колонне.

Мои раны не причиняли особой боли, так чудесно и быстро подействовали прижигания и мази опытной знахарки, так ловко она наложила повязки.

Еще до темноты мы достигли большого военного отряда, который только что расположился на ночлег. Меня немедленно привели к главному начальнику, который оказался джеддаком урухунских орд.

Подобно джеду, который доставил меня, он был страшно изрублен и так же украшен нагрудной перевязью из черепов и мертвых рук. Это знак отличия всех знатных воинов-урухунцев: указывает на их свирепость, превосходящую даже свирепость тарков. Джеддак Бар Комас, сравнительно молодой, был предметом лютой ненависти и зависти со стороны своего старшего помощника Дака Ковы – того джеда, который и взял меня в плен.

Дак Кова сознательно пренебрег обычной формой приветствия, когда мы очутились перед лицом джеддака, и, грубо толкнув меня к правителю, громко, угрожающе сказал:

– Я привел странное существо, носящее оружие тарков. Хочу заставить его сражаться с дикой лошадейю во время Больших игр.

– Он умрет так, как ваш джеддак, Бар Комас, сочтет уместным, если умрет вообще, – ответил молодой правитель с достоинством.

– Если умрет вообще? – закричал Дак Кова. – Клянусь мертвыми руками, он будет убит моей лошадейю, Бар Комас. Никакая глупая слабость с вашей стороны не спасет его. О, если бы в Урухуне царствовал настоящий джеддак вместо ничтожества с водянистым сердцем, у которого даже старый Дак Кова может вырвать оружие голыми руками!

Бар Комас на мгновение взглянул на своего непокорного воина с выражением бесстрашного презрения и ненависти, а затем бросился на него.

Я никогда еще не видел двух марсиан, дерущихся безоружными, зрелище их звериной жестокости превосходило все фантазии расстроенного воображения. Они рвали друг друга сверкающими клыками, и кровь хлестала из их тел.

Бар Комас оказался лучшим бойцом, так как был моложе, крепче, проворнее и умнее. Скоро Дак Кова уже только защищался, не решаясь нанести удар, но вдруг Бар Комас, замахнувшись кулаком, подскользнулся. Этим воспользовался противник: бросившись вперед, он

вонзил свой единственный клык в пах Бара Комаса и разодрал тело молодого джедака по всей его длине, вонзив свой клык прямо в его челюсть.

Бар Комас погиб, и только невероятные усилия женщин-знахарок спасли Дака Кову от заслуженной смерти. Спустя три дня он пришел к телу Бара Комаса, которое по обычаю оставалось лежать нетронутым там, где он пал, и, поставив ногу на шею предыдущего правителя, принял титул джедака Урухуна.

Руки и голова убитого джедака были присоединены к украшениям победителя, а то, что осталось, сожгли, смеясь, женщины.

Раны Дака Ковы задержали поход настолько, что было решено предпринять набег на таркианскую общину, чтобы отомстить за разрушение инкубатора. Большой отряд воинов, числом в десять тысяч, выступил из Урухуна.

Во время пребывания среди этого жестокого народа я был почти ежедневным свидетелем диких сцен. Это была орда меньше таркианской, но с гораздо более свирепыми обычаями. Ни один день не проходил без того, чтобы марсиане различных урухунских общин не вступали в страшный бой. Я видел до восьми сражений со смертельным исходом в течение одного дня.

После почти трехдневного перехода мы достигли столицы Урухуна, меня тотчас же заключили в подземную темницу и крепко приковали к полу и стенам.

Пищу приносили через равные промежутки времени, но из-за полной темноты я не чувствовал времени. Сколько прошло: день, неделя, месяц? Это было самое жестокое испытание за всю мою жизнь.

Как уцелел мой рассудок в ужасе крошечной тьмы, для меня навсегда осталось загадкой.

Помещение кишело пресмыкающимися, ползучими существами; холодные скользкие животные ползали по мне, и в темноте вспыхивали искорки блестящих глаз, устремленных на меня со злобным вниманием. Ни один звук не доходил из внешнего мира, и ни словом не удостоивал меня мой тюремщик, хотя я пытался говорить с ним.

В конце концов вся ярость, все безумное отвращение к урухунцам сконцентрировались в моем пошатнувшемся сознании на ненависти к моему охраннику – он стал воплощением зла.

Тюремщик брал с собой тусклый факел, чтобы ориентироваться в темнице, а когда он наклонялся, чтобы поставить на пол миску с едой, его голова оказывалась на уровне моей груди. С хитростью сумасшедшего я пятился в дальний угол моей камеры, когда слышал его приближение, и натягивал длинную цепь, понемногу ее ослабляя. Я ждал его прихода, припав к земле, как голодное животное. Однажды, когда он, как обычно, наклонился поставить пищу на землю, я взмахнул цепью и обрушил ее на череп охранника. Не издав ни единого звука, он рухнул на пол бездыханный.

С безумным смехом я упал на простертое тело, оцупывая его мертвую глотку.

Внезапно мои пальцы коснулись маленькой цепочки, на которой висело несколько ключей. Это неожиданно вернуло моему сознанию ясность. Я больше не топтался на месте, как сумасшедший, – я обрел рассудок. Средство к спасению в моих руках!

Я пытался на ощупь снять цепочку с шеи жертвы, когда увидел в темноте шесть пар блестящих глаз, устремленных ко мне. Они приближались медленно, и так же медленно я отползал в угол. Глаза остановились возле мертвого тела, потом медленно отступили со странным скрипящим звуком и наконец исчезли в какой-то отдаленной норе моей темницы.

19. Сражение на арене

Успокоившись, я снова пополз к тюремщику за ключами. Он исчез. Я понял, что тварь утащила добычу в логово. Там она ждала целые дни, недели, месяцы, всю ужасную вечность моего заключения – ждала возможности утащить и мое мертвое тело на свой пир.

Два дня мне не приносили пищи, затем появился новый охранник, и мое заточение потекло по-прежнему, но теперь я запрещал себе впадать в одуряющее уныние.

Вскоре после этого в темницу привели другого пленника и приковали около меня. При тусклом свете факела я увидел, что это красный марсианин, и едва дождался ухода конвоиров, чтобы заговорить с ним. Когда шаги затихли в отдалении, я мягко произнес марсианское приветственное слово «каор».

– Кто вы? – спросил он.

– Джон Картер, друг красных людей Гелиума.

– Я из Гелиума, но не слышал такого имени.

Тогда я рассказал ему все, пропустив только подробности моих отношений с Деей Торис. Сообщение о принцессе Гелиума очень его взволновало, но он был совершенно убежден, что она и Сола на свободе. Он сказал, что знает ту местность очень хорошо:

– Дея Торис и Сола скрылись в холмах не дальше как в трех милях от большой реки, а теперь они, вероятно, в совершенной безопасности.

Пленника звали Кантосом Каном, он был падуором (лейтенантом) гелиумского флота. Он входил в состав той злополучной экспедиции, которая подверглась нападению тарков, и вкратце рассказал о происшествиях, последовавших за поражением воздушных кораблей. Сильно поврежденные, они медленно продвигались к дому. Путь лежал мимо города Зоданги, враждебного Гелиуму, хотя там тоже обитают красные марсиане. Их атаковало множество военных судов, и экипажи всех парусников, которыми командовал Кантос Кан, были истреблены или взяты в плен. Его собственный корабль преследовали четыре дня, но в темную безлунную ночь он смог ускользнуть.

Тридцать дней спустя после пленения Деи Торис корабль достиг Гелиума с десятком воинов, оставшихся от семисот членов экипажа. Немедленно семь больших флотилий, каждая из которых включала в себя сотни мощных военных судов, поспешили на поиски принцессы. К ним присоединились и две тысячи мелких парусников.

Две общины зеленых марсиан были стерты с лица планеты мстительными флотилиями, но никакого следа Деи Торис не обнаружилось. Ее искали среди северных племен, и только в последние несколько дней поиски перекинулись на юг.

Кантос Кан рассказал о своем пленении. Отважный и смелый, этот марсианин вызывал во мне восхищение. Он в одиночку высадился на границе мертвого города и проник в группу строений, окружающих площадь. Два дня и две ночи он прочесывал кварталы и темницы, ища свою принцессу, но попал в руки урухунцев.

За время совместного заточения мы подружились, хотя оно продолжалось недолго. Начались Большие игры.

Ранним утром нас привели в огромный амфитеатр, земля которого была покрыта рытвинами. Часть его оказалась разрушена, так что трудно было судить, насколько он велик. Говорят, в лучшие времена он вмещал двадцать тысяч урухунцев.

Арена была огромная, но крайне неровная и нерасчищенная. Ее окружали огромные камни, взятые из разрушенных зданий старого города, – чтобы помешать зверям и пленникам убежать. На каждом конце стояли клетки для пленников, ожидающих своей очереди.

Кантоса Кана и меня посадили вместе в одну клетку. В других были дикие лошади, зеленые воины, женщины из других племен и множество странных и свирепых барсумских зверей,

которых я никогда раньше не видел. Их рычания и чудовищного вида было достаточно, чтобы самое бесстрашное сердце забилося от тяжелых предчувствий.

Кантос Кан объяснил мне, что в конце дня один из пленников получает свободу, а остальные падут мертвыми на арене. Победители разнообразных состязаний должны будут бороться друг с другом, пока в живых не останутся двое; победитель последней схватки, будь то человек или животное, освобождается. На следующее утро клетки наполняются новыми жертвами, и так все десять дней, что проводятся игрища.

Вскоре амфитеатр начал наполняться, и в течение часа не осталось ни одного свободного места. Дак Кова с джедами уселся в центре зала, на широкой приподнятой платформе.

По его сигналу двери двух клеток распахнулись, и дюжина марсианок была выгнана на арену. Каждая получила кинжал. С другого конца арены выпустили свору из двенадцати диких собак.

Свирепые звери, рычащие и покрытые пеной, ринулись на почти беззащитных женщин, и я отвернулся, чтобы не видеть ужасного зрелища. Вой и смех зеленой толпы одобрял бой. Когда я опять повернулся к арене, то увидел трех торжествующих собак, дерущихся над телами. Все женщины уже расстались с жизнью.

Тотчас бешеный зитидар был выпущен против оставшихся собак – и так это продолжалось целый день, длинный, жаркий, ужасный день.

В течение дня я сражался сначала против воинов, затем против зверей. Я был вооружен саблей и всегда превосходил своих противников ловкостью и боевым опытом, так что это являлось для меня детской игрой. Время от времени кровожадная толпа аплодировала, а к концу послышались требования признать меня победителем и урухунцем.

Наконец осталось трое: большой зеленый воин из какой-то дальней северной орды, Кантос Кан и я. Они должны были сражаться, а мне предстояло драться с победителем. Свобода доставалась сильнейшему.

Кантосу Кану доставались до этого несильные противники, и шанс, что он окажется сильнее зеленого исполина, был мал. Воин был приблизительно шестнадцати футов ростом, тогда как Кан не достигал и шести. Когда они сошлись, разница в весе и росте бросилась в глаза, и эта разница отнимала у друга всякую надежду на жизнь и победу. Но, приблизившись к великану на расстояние двенадцати футов, он сильно замахнулся и метко бросил свое оружие вперед. Оно полетело прямо, как стрела, и, пронзив грудь врага, уложило его мертвым на арену.

Теперь Кантос Кан и я должны были сражаться друг с другом, но, когда мы сошлись на арене, я шепотом посоветовал ему затянуть бой до темноты, в надежде, что мы найдем способ бежать. Толпа, очевидно, догадалась, что у нас нет желания биться, и выла от ярости, потому что ни один из нас не переходил в роковое наступление. Когда стало темнеть, я подал Кантосу Кану знак, чтобы он всунул свою саблю между моей левой рукой и ребрами. Он так и сделал. В тот же миг я качнулся назад, плотно прижав саблю рукой, и упал на землю, как будто его оружие пробило мне грудь. Кантос Кан понял мой фокус. Быстро шагнув ко мне, он поставил ногу мне на шею, вытащил саблю из тела и якобы нанес окончательный удар. Казалось, что он пронзил мне шею, перерезав сонную артерию; на самом же деле холодное лезвие мягко скользнуло в песок. В наступивших сумерках наш обман удался... Я шепнул, чтобы он шел требовать себе свободу, а затем искал меня в холмах на востоке от города.

Когда амфитеатр опустел, я осторожно выбрался и без больших затруднений добрался до отдаленных холмов.

20. На атмосферной фабрике

Два дня я ждал Кантоса Кана, но он не пришел. Тогда я направился в северо-восточном направлении, где, по его словам, пролегал ближайший водный путь. Моей единственной пищей был сок растений, зато его имелось в избытке.

В течение двух долгих недель я шел по ночам, руководимый единственно звездами, днем скрываясь в скалах. Иногда из темноты появлялись дикие звери – страшные неуклюжие чудовища, но один вид моей сабли отпугивал их. Интуиция, обострившаяся на Марсе, предупредила меня об опасности, но однажды я был повержен прежде, чем понял, что мне угрожают.

Косматое существо схватило меня когтистыми лапами и опрокинуло на спину. Я не видел его, только ощущал страшную тяжесть. Казалось, чудовище весило несколько тонн. Клыки зверя тянулись к моей шее, но я смог оторвать поросшую шерстью морду от себя и сдавил, как тисками, его горло.

Мы боролись без звука; зверь употреблял все усилия, чтобы достать меня своими ужасными клыками, а я изо всех сил сжимал его горло. Медленно уступали мои руки в неравной борьбе, и дюйм за дюймом горящие глаза и сверкающие клыки надвигались на меня, пока косматая морда не коснулась моего лица, и я понял, что все кончено. Но в это время что-то живое выскочило из окружающей темноты и набросилось на зверя. Они покатались по траве, терзая и раздирая друг друга. Вскоре животное издало предсмертный хрип. Я пытался разглядеть моего спасителя, который держал за горло тварь, хотевшую меня убить.

Луна, внезапно показавшаяся над горизонтом, осветила его. Это был Вула. Как он нашел меня?! Не нужно говорить, как я обрадовался ему, но к радости примешивалась беспокойная мысль: почему он покинул Дею Торис? Я был уверен, что только ее смерть могла быть причиной этого ухода – настолько Вула повиновался моим приказаниям.

При свете молодого яркого месяца я увидел, что нынешний пес был тенью прежнего Вулы. Когда он увернулся от моих ласк и начал пожирать мертвое тело у моих ног, я понял, насколько он обезумел от голода.

Мое положение было немногим лучше, но я не мог заставить себя есть сырое мясо. Когда Вула окончил свою трапезу, мы пустились в кажущиеся бесконечными поиски ускользающей реки.

На заре пятнадцатого дня моих поисков я наконец увидел высокие деревья, означавшие близость воды. Около полудня я дотащился, измученный, до входа в огромное здание, достигавшее четырех футов в высоту. В мощной стене серела маленькая дверь, возле которой я опустился, задыхаясь; вокруг не было видно признаков жизни. Я не нашел ни звонка, ни другого способа оповестить о своем визите жителей этого дома. Однако около двери было проделано маленькое круглое отверстие размером не больше, чем графит карандаша. Это могло оказаться чем-то вроде переговорной трубы, я хотел крикнуть туда, как вдруг изнутри раздался голос:

– Кто вы?

Я объяснил, что бежал из Урухуна и умираю от голода и усталости.

– Вы носите оружие зеленых и вас сопровождает собака, чертами же вы походите на красного. Но цвет вашей кожи ни красный, ни зеленый. Именем девятого луча, кто вы?

– Я друг красных людей Барсума, и я умираю от голода. Именем человечности, помогите, – отвечал я.

Тогда дверь отклонилась от стены на пятьдесят футов, остановилась и легко скользнула налево, открывая короткий бетонный коридор, заканчивающийся такой же дверью. Никого не было видно. Мы с Вулой вошли, дверь позади заняла прежнее положение в фасадной стене здания. Когда она поворачивалась боком, я заметил ее толщину – добрых двадцать футов. Большие стальные цилиндры опустились с потолка и подогнали нижнюю часть двери к полу.

Еще две двери раскрылись передо мной, прежде чем я достиг широкой внутренней комнаты, где меня ждали еда и напитки, оставленные на большом каменном столе. Голос невидимого хозяина предложил мне утолить голод и накормить собаку, а затем подверг меня строгому допросу.

– Ваш рассказ весьма примечателен, – произнес голос, когда я закончил. – Вероятно, вы сказали правду, также очевидно, что вы не с Барсума. Я заключаю это по строению вашего мозга, странному расположению внутренних органов, форме и объему сердца.

– Разве вы видите меня насквозь? – воскликнул я.

– Да, я так же хотел бы видеть ваши мысли; будь вы барсумцем, я смог бы прочесть их без труда.

Тут в дальнем конце комнаты открылась дверь, и иссохшая фигура, почти мумия, приблизилась ко мне. Единственным предметом одеяния являлся узкий золотой ошейник, на котором висело большое украшение, величиной с блюдце, усаженное огромными бриллиантами, а в центре сверкал странный камень. Величиной с дюйм в диаметре, он испускал девять отдельных и ясно различимых лучей: семь из них были окрашены цветами радуги, а цвета двух были для меня новы и безымянны. Я не могу описать их, как не могу описать красный цвет слепому, скажу только, что они были изумительно прекрасны.

Старик уселся, и мы проговорили в течение четырех часов. Самое интересное было то, что я читал его мысли, тогда как он не мог проникнуть в мои ни на йоту, если я не высказывал их вслух. Я не сказал ему о своих телепатических способностях и правильно сделал. Марсиане способны контролировать свои мысли – и он никогда не позволил бы мне узнать то, что я узнал.

Я находился в здании, где специальные машины создавали искусственную атмосферу Марса. Секрет этого процесса был в употреблении девятого луча – одного из тех великолепных лучей, которые исходили из украшения моего гостеприимного хозяина.

Этот луч отделяется от других солнечных лучей тонко приспособленными инструментами на крыше здания. На него воздействуют электричеством, вернее, некоторые частицы тончайших электрических вибраций соединяются с ним, затем вещество накачивают в пять главных воздушных центров планеты, где по мере освобождения, соприкасаясь с мировым эфиром, оно преобразуется в атмосферу.

В огромном здании всегда имеется запас девятого луча, достаточный для поддержания атмосферы в течение тысячи лет. Существует только одна опасность – что какое-нибудь несчастье произойдет с накачивающими аппаратами.

Хозяин провел меня во внутреннюю комнату, где находилась батарея из двадцати радиоламп, каждая из которых могла снабдить воздухом весь Марс. Уже восемьсот лет старик и его помощник охраняли эти помпы, работающие поочередно, причем действие каждой продолжалось максимум один день, или немногим более двадцати четырех с половиной земных часов. Половину марсианского года, около трехсот сорока четырех наших дней, дежуривший хранитель проводил в одиночестве в этом огромном изолированном сооружении. Каждый марсианин с малого возраста изучает принципы производства атмосферы, но только двое знают тайну проникновения в огромное здание. Оно совершенно неприступно, так как стены его имеют сто пятьдесят футов толщины, а крыша охраняется от нападения с воздуха пуленепробиваемым стеклом в пять футов. Но напасть мог только безумец: все барсумцы знают, что существование жизни на Марсе зависит от непрерывной работы этого центра.

Следя за рассказом хранителя, я одновременно читал его мысли и узнал, что наружные двери работают телепатически: определенная комбинация мыслей открывала замки. Я пожелал захватить собеседника врасплох и между прочим спросил, как он мог открыть массивные двери, находясь во внутреннем помещении здания. В его мозгу возникло девять марсианских звуков и сейчас же исчезло, а он ответил, что это тайна.

С этого момента его поведение изменилось: он будто боялся ненароком разгласить тайну. Я читал подозрение в его взгляде и мыслях, хотя на словах он все еще был со мной приветлив.

Старик обещал дать сопроводительное письмо к живущему неподалеку земледельцу, который мог бы помочь мне выйти к Зоданге – самому близкому марсианскому городу.

– Но будьте осторожны: они воюют с Гелиумом и не должны узнать, что вы направляетесь туда. Мы сами с помощником не здешние, и только этот талисман защищает нас во всех государствах – даже среди зеленых марсиан. Без него мы тоже окажемся в опасности, – добавил хранитель.

Он провел меня в спальню:

– Итак, доброй ночи, мой друг, желаю вам долгого и спокойного сна... да, долгого сна.

Хранитель ласково улыбался, но его воображение уже рисовало фигуру человека, стоящего ночью у моего ложа, затем быстрый удар кинжала, сопровождаемый лицемерным: «Мне жаль, но так будет лучше для Барсума». И хотя он вышел из моей спальни, я через стену мог читать его мысли: они излучались его мозгом, как излучается свет. Я совершенный невежда в вопросах телепатии, и эти новые ощущения удивляли меня.

Что мне было делать? Я бы легко убил старика, зная о его намерении. Но, умри он, кто будет следить за машинами? Помощника я не видел. Остановись машины – и я, и все остальные обитатели этой планеты, и Дея Торис, если она еще жива, – мы все погибнем. Одно воспоминание о Дее Торис изгнало из моих мыслей всякое желание умертвить моего недоброго хозяина.

Я осторожно вышел с Вулой из комнаты и, проплутав по коридорам, нашел внутреннюю дверь. В голову пришла безумная идея: попробовать те девять мысленных фраз, которые я прочитал в уме старика.

Я уже готов был приступить к воплощению смелой затеи, когда услышал слабый шум позади. Потянув за собой Вулу, я отступил в тень за выступом коридора.

Едва я успел спрятаться, как мимо меня прошел старик. При тусклом свете электричества я увидел, что он держит в руке тонкий длинный кинжал. Хранитель стал точить его о камень. Видимо, он собирался осмотреть радиолампы, что займет минут тридцать, а затем вернуться в мою спальню и прикончить меня.

Когда он пересек большую залу и исчез в темноте лестницы, ведущей к радиолампам, я бесшумно выскользнул из моего укрытия и подошел к большой внутренней двери – одной из трех, которые отделяли меня от свободы.

Я воздействовал на массивный замок подслушанным мысленным кодом и, затаив дыхание, ждал. И вот огромная дверь мягко сдвинулась и бесшумно повернулась в сторону. Одна за другой остальные двери открылись по моему мысленному приказанию, и мы с Вулой вступили в наружный мрак – свободные и сытые.

Торопясь уйти от недоброго пристанища, я пошел по первой встречной дороге, намереваясь как можно скорее достичь городской заставы, и достиг ее перед рассветом.

Кругом были низкие, неопределенной формы строения из бетона с наглухо запертыми дверями. На мои стуки и крик никто не ответил. Усталый и изможденный, я приказал Вуле сторожить, растянулся на траве и уснул.

Вскоре я проснулся от его страшного рычания. Открыв глаза, я увидел трех красных марсиан: они стояли неподалеку и целились в меня из своих ружей.

– Я безоружен и не враг, – поспешил я, – был в плену у зеленых таркианцев и теперь иду в Зодангу. Все, чего прошу, – это пищи и отдыха для меня и собаки.

Они опустили ружья и дружелюбно приблизились ко мне, правой рукой каждый прикоснулся к моему левому плечу – традиционная форма приветствия. Затем красные марсиане отвели меня в дом одного из них, попутно засыпая множеством вопросов.

Постройки, куда я стучался рано утром, были отведены под склады; жилые дома стояли в роще. Интересно, что все дома красных марсиан на ночь поднимаются широкой металлической

колонной на сорок – пятьдесят футов. Вместо возни с засовами и решетками красные марсиане просто выдвигают из почвы эту колонну с помощью радиопередатчика.

Встретившиеся мне три брата со своими женами и детьми занимали три одинаковых дома. Они не занимались земледелием, так как состояли на военной службе, все работы по дому выполнялись военнопленными и преступниками. Братья были олицетворением сердечности и гостеприимства; я провел у них несколько дней, отдыхая и приходя в себя после моего долгого и трудного путешествия.

Они выслушали мою историю (я пропустил только всякое упоминание о Дее Торис и старике-хранителе) и посоветовали мне окрасить тело, чтобы больше походить на существо их расы, а затем поискать службу в армии или флоте Зоданги.

– Слишком мало шансов, что вашему рассказу поверят. Вам надо завоевать доверие вождей, а легче всего это сделать на военной службе. Мы – воинственный народ, – объяснил один из них, – и уважаем тех, кто умеет сражаться.

Когда я был готов к отъезду, они подарили мне маленького бычка – такие ходят под седлом у всех красных марсиан. Животное это не больше земной лошади, но цветом и формами соответствует своему гигантскому дикому родственнику – тоту.

Братья достали мне красного масла, которым намазали мое тело, и подстригли мне волосы по моде того времени – квадратом сзади и кольцами спереди. Теперь я мог сойти за полноправного красного марсианина. Мое оружие и украшения также были обновлены в стиле зодангского джентльмена, происходящего из рода Пторов, – такова была фамилия моих благодетелей.

Они наполнили маленький мешок, висевший у меня на боку, зодангской монетой. Монеты у них овальной формы. Бумажные деньги тоже есть, их может изготовить любой, но должен выкупить в течение полугода. Если кто-то не в состоянии этого сделать, то правительство расплачивается за него, а несостоятельный должник работает в шахтах.

Я ничем не мог отблагодарить братьев за их доброту, и они стали уверять меня, что я найду для этого удобный случай, если проживу подольше на Барсуме. Пожелав мне счастливого пути, они долго смотрели, как я удалялся по широкой белой дороге.

21. Воздушный разведчик

На пути к Зоданге я встретил много необычного, а на фермах, где останавливался, узнал массу полезного про обычаи барсумцев.

Вода, которой снабжаются фермы на Марсе, собирается на обоих полюсах в громадные резервуары и идет оттуда по длинным трубам через поля. Поля разбиты на одинаковые участки; за каждым наблюдает правительственный чиновник.

Вода – драгоценная жидкость на Марсе, поэтому ее подводят прямо к корням растений. Урожаи всегда одинаковы, так как нет ни засух, ни дождей, ни сильных ветров, ни насекомых.

Во время этого путешествия я впервые за долгие месяцы поел нормальных котлет и сочного жареного мяса. Я попробовал и приторно-сладкие фрукты, и овощи – конечно, все это отличалось от земных.

На второй остановке я встретил достаточно образованных марсиан из знати и в разговоре с ними коснулся Гелиума. Один много лет служил в дипломатической миссии, он с сожалением говорил об обстоятельствах, которые заставляют их страны воевать.

– Гелиум, – сказал он, – справедливо гордится самыми красивыми женщинами на Барсуме, из всех его сокровищ прекрасная дочь Мориса Каяка – Дея Торис – самый изысканный цветок. Народ поистине целует песок, по которому она ходит, и с тех пор как она пропала во время этой неудачной экспедиции, все в трауре. Наш правитель совершил ужасную ошибку, атаковав гелиумский флот. Рано или поздно Зоданга выберет более мудрого вождя... Даже теперь, когда наши войска окружили Гелиум, население Зоданги недовольно: эта война не популярна среди народа. Говорят, город в бедственном положении и скоро падет, ведь мы напали в отсутствие его флота, посланного на поиски принцессы.

– А какова судьба принцессы, по-вашему? – спросил я будто мимоходом.

– Она умерла – так сказал пленный зеленый воин. По его словам, ей удалось бежать от тарков с каким-то странным существом из другого мира, но их схватили варуны: на равнине нашли следы кровавого столкновения, а рядом блуждали их тоты.

Этот рассказ мало обнадеживал, но все же не доказывал смерти Деи. Я все равно стремился поскорее достичь Гелиума и принести Тардосу Морису вести о его внучке. А пока я наконец добрался до Зоданги.

Я давно заметил, что у красных марсиан Вула вызывает сильную неприязнь: они никогда не приручали таких огромных и страшных животных. Необходимо было расстаться, но я долго отгонял эту грустную мысль. У городских ворот все же настало время прощаться с верным другом. Пройдите по Бродвею в сопровождении дикого льва – и вы произведете эффект, какой произвели бы на улицах Зоданги мы с Вулой. Будь дело только во мне, никакие соображения безопасности не заставили бы меня прогнать любимого пса. Но от меня зависела судьба Деи Торис, ради нее я в этом таинственном городе, и присутствие Вулы могло помешать мне. Я надеялся, что он быстро забудет меня.

Приласкав бедное животное, я пообещал позже отыскать его и указал на обратный путь к Тарку. Вула как будто понял и печально побрел назад. Мне было тяжело смотреть ему вслед, я решительно повернулся к угрюмым воротам.

Рекомендательное письмо немедленно открыло мне доступ в город. Ранним утром улицы были еще пусты. Высокие колонны, на которых находились дома, казались стволами стальных деревьев. Магазины, как обычно, стояли прямо на земле незапертые – воровство совершенно неизвестно на Барсуме. Здесь боятся только нападения, поэтому-то и поднимают дома высоко над землей на ночь и во время войны.

Братья Птор дали мне точные указания, как разыскать в городе удобное жилье. Еще у меня были рекомендательные письма к государственным чиновникам. Моя дорога вела к цен-

тральному скверу, в Зоданге он занимает квадратную милю и окружен дворцами джедака, джеда и других представителей правящего дома. Здесь же располагаются гостиницы, кафе и магазины.

Я пересекал большой сквер, любуясь великолепной архитектурой и ковром роскошных красных цветов. Навстречу мне шел марсианин. Когда он приблизился, я узнал его и приветственно положил руку на плечо:

– Каор, Кантос Кан!

С быстротой молнии он обернулся ко мне, и не успел я опустить свою руку, как острие его шпаги коснулось моей груди:

– Кто вы?

Я отпрыгнул футов на пятьдесят от его шпаги, он опустил острие вниз и воскликнул смеясь:

– Лучшего ответа не надо! На Барсуме лишь одно существо умеет прыгать, как резиновый мяч! Во имя матери самого дальнего месяца, Джон Картер, как вы попали сюда и как научились менять по своему желанию цвет кожи?

Я коротко обрисовал ему свои приключения, и он начал свой рассказ:

– Я нахожусь здесь в интересах Тардоса Мориса, джедака Гелиума. Саб Тзэн, принц Зоданги, безумно влюбился в Дею Торис и спрятал ее где-то в городе. Его отец, Тзэн Козис, джедак Зоданги, предложил гелиумцам мир при условии их бракосочетания. Однако Тардос Морис ответил, что он и его народ скорее увидят принцессу мертвой, чем насильно выдадут ее замуж. Он не хочет соединять свой род с родом Тзэна Козиса, предпочитая свою смерть и даже гибель всего Гелиума. Этот ответ был тяжелейшим оскорблением зодангцам, но власть его в Гелиуме сильна, народ гордится его поведением.

– Я здесь уже три дня, – рассказывал Кантос Кан, – но еще не узнал, где заключена Дея Торис. Сегодня я поступаю на службу в зодангский флот. Принц Саб Тзэн командует флотским дивизионом, я попробую войти к нему в доверие. Хорошо, что вы здесь, Джон, я знаю вашу верность принцессе, уверен, что вместе мы достигнем многого.

Сквер начал постепенно оживать. Магазины открылись, в кафе появились утренние посетители. Кантос Кан повел меня в один из роскошных ресторанов, где нам была подана еда, приготовленная автоматами. Ни одна рука не трогала пищу с того момента, как сырой она попала на кухню, и до тех пор, пока не появилась, горячая и вкусная, перед нами. Заказать то или иное блюдо можно было, нажав соответствующую кнопку на столе.

Когда мы поели, Кантос Кан повел меня с собой в квартал, где был расположен эскадрон воздушной разведки флота. Он представил меня начальнику и попросил зачислить в состав эскадрона. Для этого требовалось пройти экзамен, но Кан сказал, что это он берет на себя. Взяв билет, он представился экзаменатору как Джон Картер и благополучно прошел испытание.

– Эта хитрость откроется позже, – объяснил он мне весело, – когда они начнут проверять мой рост, вес и другие параметры. Но к тому времени наша миссия будет выполнена... или мы потерпим неудачу.

Ближайшие несколько дней Кантос Кан учил меня водить летающую лодку. Воздушная лодка для одного человека имеет около 16 футов в длину, 2 фута в ширину, 3 вершка в толщину и заострена с обоих концов. Двигатель – бесшумная машина из радия. Весь секрет легкости и упругости заключен между тонкими металлическими стенками и состоит в восьмом луче, или луче движения, как можно назвать его по основному свойству.

Этот луч, подобно девятому лучу, неизвестен на Земле, но марсиане открыли, что он является неотъемлемой частью всякого света, независимо от источника.

Марсиане также узнали, что восьмой солнечный луч несет свет солнца к разным планетам и что у каждой планеты имеется свой индивидуальный восьмой луч. С Марса он идет, противодействуя силе тяжести.

Эти-то лучи и делают марсиан способными к изумительным полетам. Тяжелые военные корабли летают в воздухе Марса так же грациозно, как мыльные пузыри в воздухе Земли.

В течение первых лет после открытия этих лучей было немало странных происшествий, пока не научились контролировать эту чудесную силу. Лет девятьсот тому назад первый большой военный корабль, который имел специальные резервуары для восьмого луча, был перенасыщен солнечной энергией и в одно мгновение пропал из виду с пятью сотнями солдат и офицеров на борту. Он так и не вернулся.

Сила отталкивания этих лучей от планеты так велика, что она увлекла корабль в безвоздушное пространство. С помощью сильных телескопов и теперь можно видеть, как он блуждает по небесам – маленький спутник Марса.

На четвертый день после своего прибытия в Зодангу я совершил первый полет, во время которого достиг дворца Тзэна Козиса.

Над городом я летал кругами, как это делал Кантос Кан, а затем на большой скорости помчался к югу, следуя направлению одного из больших каналов, ведущих в Зодангу.

Меньше чем за час я пролетел две тысячи миль и вдруг далеко внизу разглядел трех зеленых всадников, преследовавших маленькую красную фигурку. Я направил машину вниз и увидел, что на красном марсианине был знак эскадрона воздушных разведчиков. Недалеко лежала его лодка, вокруг были разбросаны инструменты. Очевидно, он что-то ремонтировал и был застигнут зелеными воинами.

Всадники на быстрых тотгах почти нагнали его, воинственно подняв длинные металлические копья. Каждый, казалось, хотел первым поразить бедного зодангца. Его судьба была бы решена, если б не мое появление.

Я быстро догнал их и вонзил клюв своей маленькой лодки как раз между плечами ближайшего воина. Обезглавленное тело взлетело на воздух, перекувырнулось через голову тотга и упало рядом на мох. Тоты двух других воинов обернулись и с ревом помчались в противоположные стороны.

Теперь я посадил лодку, красный марсианин горячо благодарил меня, говоря о награде. Оказалось, что он двоюродный брат джеджака Зоданги. Но надо было торопиться: воины, безусловно, вернуться, как только усмирят своих тотгов.

Мы чинили поврежденную машину, когда оставшиеся в живых зеленые вновь попытались атаковать нас. Но на расстоянии приблизительно ста ярдов их тоты решительно отказались двигаться дальше – так напугал их мой летательный аппарат.

Воины спешили и направились к нам с обнаженными длинными мечами. Я взял на себя более рослого и покончил с ним без особых усилий, что стало для меня уже привычным благодаря частой практике. Но мой новый знакомец находился в отчаянном положении.

Он был ранен и лежал на земле. Противник поставил свою огромную ногу ему на грудь и занес меч для последнего удара. Я перепрыгнул разделяющее нас расстояние в пятьдесят футов и проткнул тело зеленого воина своей шпагой. Его меч выпал из рук, не нанеся удара, и сам он тяжело рухнул на распростертое тело зодангца.

При беглом осмотре я убедился, что смертельных ран у него нет, а после короткого отдыха зодангец заявил, что чувствует в себе силы на обратный путь (он должен был лететь самостоятельно, так как хрупкие лодочки выдерживают вес только одного человека).

Закончив наконец ремонт, мы поднялись в спокойное безоблачное небо и без дальнейших приключений вернулись в Зодангу.

Еще издали стала видна огромная толпа мирных граждан и воинов, собравшихся на лугу перед городом. Небо было черно от военных кораблей и частных лодочек, на которых развевались шелковые флаги с разнообразной символикой.

Мой спутник подал мне знак опуститься и, подлетев поближе, уговорил меня посетить военную церемонию. На ней награждали за храбрость и другие заслуги. Он развернул малень-

кое знамя, указывающее, что корабль принадлежит члену царской семьи Зоданги, и мы начали прокладывать дорогу между множеством воздушных кораблей. Вклиниться удалось как раз над джеддаком Зоданги и его свитой. Все сидели верхом на домашних марсианских тоттах, на сбруе и украшениях было такое количество пестро раскрашенных перьев, что они сильно напоминали мне банду краснокожих индейцев.

Кто-то из свиты обратил внимание Тзэна Козиса на моего спутника, парящего прямо над их головами, и правитель сделал ему знак спуститься. Пока войска разворачивались перед джеддаком, он разговаривал со своим кузеном, время от времени поглядывая на меня. Слов я не мог расслышать. Когда разговор кончился, все спустились с тоттов. В это время последние войска уже встали в позицию перед своим правителем. Церемония награждения началась. Один из офицеров выкрикнул перед рядами имя воина, и тот вышел вперед. Мы услышали о его доблести, которая вызвала одобрение джеддака. Тзэн Козис самолично прикрепил металлическое украшение к левой руке марсианина.

Еще десять военных было награждено таким образом, когда адъютант сказал:

– Джон Картер, воздушный разведчик!

Никогда в жизни я не был так поражен, но привычка к военной дисциплине позволила мне легко опустить лодку на луг, и я приблизился к офицеру. Он обратился ко мне громким голосом, который слышали все собравшиеся:

– Джон Картер! В благодарность за вашу замечательную храбрость и ловкость, проявленные при защите двоюродного брата джеддака и в победе над тремя зелеными воинами, джеддак доставляет себе удовольствие возложить на вас знак его одобрения.

Тогда Тзэн Козис подошел ко мне и, прикрепив украшение, сказал:

– Кузен рассказал мне подробности вашего удивительного подвига, который кажется почти чудом. Если вы так хорошо сумели защитить кузена джеддака, то насколько лучше вы сумеете защитить особу самого джеддака! Вы назначаетесь в гвардию и отныне будете размещаться в моем дворце.

Я поблагодарил Тзэна Козиса и по его приказанию присоединился к членам королевской свиты. После окончания церемонии я поставил аппарат на место под крышей казарм воздушного эскадрона и доложил офицеру о своем переводе во дворец.

22. Я нахожу Дею

Мажордом имел распоряжение поместить меня близ особы джеддака, подвергающегося во время войны особенно сильной опасности. (По существующим на Марсе правилам, во время войны все позволено.)

Он немедленно проводил меня в апартаменты Тзэна Козиса. Правитель беседовал с сыном и не заметил моего прихода.

Я осмотрелся. Стены были затянуты роскошными драпировками или коврами, которые закрывали все окна и двери. Зал освещался солнечными лучами, проходившими сквозь хитроумно сделанные прорезы в потолке.

Мой проводник откинул один из ковров, открывая проход, который шел вдоль между стенами и висящими драпировками. Я должен был оставаться в проходе до тех пор, пока Тзэн Козис в комнате, и следовать за ним, куда бы он ни пошел. Единственной моей обязанностью было охранять особу правителя и меньше попадаться ему на глаза. Через четыре часа меня сменят.

Драпировки были сделаны из специальной ткани, которая с внешней стороны казалась тяжелой и плотной, а я изнутри мог видеть все, что делалось в комнате.

Едва я занял свой пост, как драпировки на противоположном краю зала зашевелились, и появились четыре гвардейца, конвоирующих женщину. Приблизившись к Тзэну Козису, воины расступились, и я увидел улыбающуюся Дею Торис.

Саб Тзэн подошел к ней, и они, взявшись за руки, предстали перед джеддаком. Тзэн Козис удивленно посмотрел на них и стоя приветствовал Дею Торис.

– Какому странному капризу обязан я визитом принцессы Гелиума, которая лишь два дня тому назад уверяла меня, что предпочитает моему сыну Тала Хаджуса, зеленого тарка?

Дея Торис только улыбнулась в ответ и с плутовскими ямочками, играющими у нее на щеках, ответила:

– С самого начала существования Барсума привилегией женщины были непостоянство и притворство в сердечных делах. Ваш сын простил меня, простите и вы, что задела вашу гордость. Два дня назад я не была уверена в чувствах вашего сына, но теперь убедилась в них. Я пришла просить вас забыть мои опрометчивые слова и принять уверения принцессы Гелиума, что она согласится выйти замуж за Саба Тзэна, принца Зоданги, когда придет время.

– Я счастлив, что вы так решили, – ответил Тзэн Козис. – Я совершенно не хотел продолжать дальше войну с народом Гелиума. Ваше обещание будет записано и оглашено перед народом.

– Лучше было бы, – прервала его Дея Торис, – отложить огласку до конца войны. Обоим народам покажется странным, что принцесса Гелиума выходит замуж за врага в разгар военных действий.

– Разве война не может быть закончена сразу? – воскликнул Саб Тзэн. – Достаточно лишь слова Тзэна Козиса, чтобы водворить мир. Произнеси это слово, отец мой, и оно приблизит мое счастье и положит конец этой ненужной ссоре.

– Мы посмотрим, – ответил Тзэн Козис, – как народ Гелиума примет мир. Я, во всяком случае, предложу им его.

Дея Торис повернулась и покинула комнату в сопровождении четырех стражей.

И вот воздушный замок моей мечты разбит о суровую действительность! Женщина, которой я предложил свою жизнь, из уст которой недавно слышал слова любви, так легко забыла о моем существовании и смеясь отдала себя сыну злейшего врага своего народа.

Я слышал это собственными ушами, но не мог поверить. Я решил найти ее: пусть повторит жестокую правду мне в лицо. Потому я незаметно оставил свой пост и поспешил покинуть комнату вслед за принцессой, тихонько проскользнув в дверь.

Передо мной открывалась масса извилистых коридоров, ветвящихся и перекрещивающихся между собой во всех направлениях. Я побежал по одному из них, потом по другому, третьему – и вскоре совершенно потерялся. Я стоял, задыхаясь, опершись о стену, как вдруг услышал голоса. По-видимому, они исходили из комнаты по другую сторону стены, о которую я облокотился. Я сейчас же узнал голос Деи Торис, хотя слов было не разобрать. Недалеко была и дверь, ведущая в эту комнату. Быстро пройдя вперед, я вошел в маленькую переднюю, в которой несли вахту четыре гвардейца, уже виденные мною. Один из них сейчас же вскочил и спросил, по какому я делу.

– Я от Тзэна Козиса, – ответил я, – должен поговорить наедине с Деей Торис, принцессой Гелиума.

– Ваш приказ? – спросил он.

Я повторил, что я охранник джеджака, и направился к противоположной двери, за которой слышал голос Деи.

Но войти было не так-то легко! Телохранитель встал передо мной:

– Никто не приходит от Тзэна Козиса без письменного приказа! Покажите его немедленно!

– Единственный приказ, который я могу предъявить, всегда со мной, – ответил я, похлопывая по своему мечу. – Дадите вы мне пройти мирно или нет?

Вместо ответа все четверо воинов с обнаженными мечами встали в ряд, загораживая путь.

– Вы лжец! – воскликнул охранник. – Вы не только не войдете к принцессе, но под стражей будете отведены к Тзэну Козису, где объясните свою дерзость. Спрячьте свой меч, вы один не справитесь с нами, – приказал он с угрюмой усмешкой.

Моим ответом был быстрый удар, который оставил мне только трех соперников, но они были достойны моего оружия. Противники отбросили меня к стене, я с трудом пробил себе дорогу в угол комнаты, так что они могли атаковать только поодиночке. Так мы сражались минут двадцать. Звон стали наполнил комнату страшным шумом, который заставил Дею Торис подойти к дверям. Здесь она стояла все время, пока длился бой, а Сола выглядывала из-за плеча. Их лица были спокойны, и я понял, что женщины не узнали меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.